

193
574
НАРОДНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Герольд Бельгер

**ВЛАСТИТЕЛЬ-
СЛОВО**

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

СӨЗ ПАТШАСЫ

Семей 2008

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

**ВЛАСТИТЕЛЬ –
СЛОВО**

Семей 2008

№ 10

ПРОЗА

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР
ВЛАСТИТЕЛЬ - СЛОВО

*Статьи и заметки о переводах
стихотворений Абая на русский
и немецкий языки*

538894

Выпускается по программе Комитета информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан

Рекомендовано Министерством образования Республики Казахстан в качестве учебного пособия для дополнительного образования

Идея проекта, подборка произведений, общий дизайн Роллана Сейсенбаева

Дизайн: Газиз Бегалиев

Верстка: Батима Малаева

© Властитель - слово

© 2008 г. 128 стр.

ISBN 9965-611-77-7

Издательство «Антарис»
г. Алматы, ул. Байтурсуна, 108
Тел: 8 (7172) 231-000

**ВЛАСТИТЕЛЬ
– СЛОВО**

ЧУТКИМ СЕРДЦЕМ ПОЭТА (вместо предисловия)

Душа казаха озвучена и просветлена Абаем.

Это нужно ощутить, прочувствовать и осмыслить, и тогда поэтический и философский гений Абая пробудит душу всех разноплеменных землян.

В канун торжественного и задушевного юбилея Абая мы блистательно убеждаемся в этом.

Диву даешься, как великий степняк Абай, трагически одинокий пленник патриархально-феодалного захолустья прошлого века, «человек-загадка», как он сам о себе говорил, титаническим усилием необоримого духа целеустремленно пробивался к горным вершинам цивилизации. Тесно было его мятежной, страждущей душе в бескрайней казахской степи, и он жадно искал и находил опору и утешение в созвучных его духоустройству творениях иноязычных братьев. Воспитанный на сладкозвучной поэзии Востока, пропитанный ее философичностью и яркой орнаментальной чувствительностью, он в зрелом возрасте устремил свой взор к Западу, не инстинктивно, а вполне осознанно ощущая основополагающую истину об одинаковой божественности Востока и Запада, неразъемности единого человеческого духа, выраженных некогда Гете:

*Богом создан был Восток,
Запад также создал Бог!*

На этом пути Абаю встретилась русоволосая Муза Пушкина и Лермонтова. Он их проникновенно любил. И много и целеустремленно переводил на казахский язык. А через Лер-

монтова пробился к вершинам европейской поэзии — к Гете, Шиллеру, Байрону, Мицкевичу. И хотя из них он переводил лишь по одному стихотворению, но эти переводы по своей философской, общественно-культурологической сути и значимости обернулись крупным событием в развитии и становлении национального самосознания.

Вспоминается «Ночная песнь странника» Гете в переложениях Лермонтова и Абая. Известно, что мотив готовящейся ко сну природы, мотив желанного отдохновения уходит своими корнями в глубокую древность и является кочующим. Выстроилась очевидная цепочка: Алкман (Греческая Лидия, VII век до н.э.) — Гете — Лермонтов — Абай. Но эта цепочка неполная. Мирный сон природы, сон гор и ущелий, погружение в сон всего сущего на земле живо воссоздали после Алкмана — Вергилий, Овидий, Ариосто, Тассо, и у кого-то из этих классиков Гете, очевидно, «позаимствовал» эту тему, вдохновился ею, поднял ее до глобального мироощущения и «подпитал» ее своим чувством, которое Лермонтов потом наполнил трагизмом своей одинокой души, и именно эти неприкаянность, одиночество, смутное предчувствие неизбежного откликнулись в чутком сердце казахского поэта, и таким образом родился казахский национальный шедевр «Қараңғы түнде тау қалғып...» — «Темной ночью горы дремля...»

Нельзя считать также случайным обращение Абая к Шиллеру, точнее, к двестишию немецкого романтика «Дитя в люльке». Абай перевел его опять-таки через Лермонтова, трансформируя философскую идею двестишия на казахский лад, соответственно миропониманию и мироощущению степняка. По сути дела казахский поэт создал на основе шиллеровской-лермонтовской миниатюры новое произведение, также лапидарное, афористическое по форме, отмеченное опытом зрелого ума и национальным мировосприятием.

У большинства великих поэтов, как правило, встречается стихотворение, в котором наиболее обнаженно выражены их гражданская суть, поэтическое кредо, их исповедь, обращение к потомкам. Древнеримский поэт Гораций оставил стихотворение, начинающееся со слов «Экзеги Монументум...» — «Я памятник воздвиг»... Оно явилось отправным ориентиром для одноименных стихотворений Гаврилы Державина и Александра Пушкина. «Нет, весь я не умру!» — утверждал каждый из поэтов по-своему. В этом ряду стоит и «Завет» Ге-

те. Он убежден: самой природой заложено в человеке стремление к высшему смыслу бытия — к слиянию с Вселенной, с мировой душой, с вечностью. Одно из лучших, программных стихотворений Абая «Когда умру, не стану ль я землей...» по своей тональности и исповедальности, горячей обращенности к грядущему, к потомкам сопряжено с «Экзеги Монументум». В названных стихотворениях Горация, Державина, Пушкина, Гете, Абая звучит сознание своего поэтического предназначения, гражданская ответственность перед грядущим, мотивы убежденности и сомнения в извечности законов бытия, превратности человеческой судьбы, вера в то, что «кто жил, в ничто не превратится!»

Самородок-степняк, обреченный волею судьбы на одиночество, изолированный от мировой цивилизации, Абай сумел мощью своего таланта, силой духа обрести заслуженное место среди избранников Земли. И в этом гордость и слава Поэта. Гордость и слава его народа. Гордость и слава человечества.

«Вести Казахстана», 8.08.95г.

У ГЕНИЯ НЕТ ВЫБОРА

Абай-ата, погруженный в думы, всматривался в бесконечность. Он стоял так высоко, что ему, конечно, было сподручнее беседовать с вершинами Алатау, нежели со мной, ходившим подолгу у его гранитного постамента. И напрасно я пытался — робко и трепетно — нарушить его величественный покой.

— Поклон вам, Абай-ата!...

Он не сразу ответил на мое приветствие. Возможно, я померещился ему тем глухим утесом в степи, к которому он, бывало, тщетно взывал: «Отклик есть, но отклик пустой».

Вокруг колыхалась толпа. На шумном перекрестке, едва не сшибаясь, металась взад-вперед машины, взвизгивали тормоза, огромные автобусы, дыша гарью, изрыгали из себя спешащих куда-то людей. Колготно было и возле высотной гостиницы. Вся эта бесконечная карусель бытия, неистовая повседневная круговерть не располагала к беседе, и я молча постоял у подножья монумента.

«Мир — океан, — услышал я знакомые слова. — Время, как ветер, гонит волны поколений, сменяющих друг друга. Они исчезают, а океан кажется все тем же».

Да мир бесконечен, беспределен. И вечность бытия нам, смертным, ощутить не дано. Это удел гениев. Потому что у гения нет выбора. Он обитает во Вселенной.

«По-прежнему душа ваша не ведает покоя, Абай-ата? Уж не затворились ли в себе?»

«Только слабые духом могут затвориться в себе, предаваясь горьким раздумьям, не находя утешения».

«Однако когда-то вы говаривали: «Я хоть и живу, живым себя не считаю. Внешне жив, внутри все мертво». Неужели и теперь, когда вы убедились во всенародной любви к вам и в мировом признании, вы по-прежнему придерживаетесь этого мнения?»

«Жизнь человечества соткана из чудес, превратностей и противоречий. Проникнуть в ее суть дано лишь Всевышнему. И сам Аллах – истина, и истинны его слова. По его воле плоть моя давно превратилась в прах, а Дух мой жив. В этом мое утешение и моя слава».

«Вы правы, Абай-ата. Сердце нередко говорит: «Да», а ум – «Нет». И наоборот. Жизнь – это трагедия, которая заключается в непрестанной борьбе, заранее обреченной на поражение, борьбе без малейшей надежды на победу. Ибо, когда вникнешь в суть явления, победа – всегда поражение, а поражение – залог возможной победы. И на этом построен весь круговорот земного бытия. Я в этом убедился».

«Тут мы, пожалуй, созвучны, мой неведомый потомок. Давно вы пришли к такому умозаключению?»

«Давно, Абай-ата. Я ведь по земным годам уже много старше вас».

«А-а... Акын? Философ? Просветитель? Правитель?»

«Что вы, Абай-ата?!.. Просто малость шкрябаю пером. Да стараюсь вникнуть в деяния великих, разгадать посылно их тайну, уловить созвучие их духа».

«Достохвальное стремление... Я, кажется, о том говорил: Души измученной постигни суть! Тяжелым и тернистым был мой путь. Я – человек с загадкой, помни это! Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!»

«Знаю, Абай-ата... «Мынмен жалғыз алыстым, кінә койма...» И эти «мың», тьма многолика. Нередко «тьма» или «тьмы» представляют в облике власти. Не так ли?»

«Пожалуй...»

«И у всякого художника, независимо от размера его дарования, с тьмой или, скажем, с властью искони сложные отношения».

«Я бы сказал так: трагичные отношения со своим Временем. С эпохой. В этом суть».

«Ничтожным порой чудится, что они властны над временем».

«Заблуждение! Напрасные, тщетные потуги! Подвластно время силе и уму, они и правят миром потому. А тот, кто тяжким бременем на время навалится, - недобровать ему».

«Блажен, кто это понимает, Абай-ата».

«Люди, иногда мне кажется, живут в бессмысленном мире. В мире, где приоритет принадлежит толпе. Каждый человек, даже самый одаренный Верховной волей, все равно остается дитем своего времени. Может, даже рабом, в чем он, опьяненный властью или славой, сам себе не признается. Лишь в редкий миг озарения удается воспарить духом, отрываясь от пыли бытия. Это уже свойство гениальности».

«И вы обладаете этим свойством. И в этом смысле вы счастливый человек, хотя и часто сетуете на судьбу свою и жестокость своего времени».

«Мне трудно судить о том, чем я обладаю. То, что кажется моим, на самом деле принадлежит Ему».

Одно я знаю: свою посмертную славу я с лихвой оплатил личной трагедией и трагедией моих детей, внуков и родных, всего своего клана. И если в мире существует закон равновесия, некий мункир-нанкир, подсчитывающий твои благодеяния и прегрешения, то в моем лице, на основе моей судьбы такой закон получил блестящее подтверждение. Никто никогда не ответил на то, что такое истинное счастье, чаще всего то, что слабый человек принимает за счастье, есть всего-навсего мишура, блажь, причуда, прах. Счастье — нечто обманчивое, иллюзорное. Туман на рассвете. Оно неразъемно связано с трагическим. У счастья всегда привкус трагизма. Впрочем, все это было известно задолго до меня.

Сознание — это болезнь. Подверженному этой болезни знакомо трагическое чувство жизни”.

Мне показалось, что Абай-ата устал. И от недавнего грандиозного юбилея, сотворенного его благодарными потомками и почитателями во всем мире, и от поэтических вечеров у его подножья, на которых распаренные питы всех мастей надрывали глотки на многих наречиях, и от длинных, невпопад, праздных плетений словес разнокалиберными пустомелями-чинушами, представлявшими власть. А, может, причина усталости вовсе не в этом? Какое ему, поэту-философу, дело до всей этой преходящей суеты, когда он обитает на недосягаемых вершинах, где всегда царит покой (помните его германского собрата Гете: «Über allen Gipfeln ist Ruh»), где он ведет задушевную беседу с титанами Духа всех времен и народов? Он, наверное, и не слышал грохота поэтических посвящений у его подножья в дни юбилейных торжеств.

Абай-ата ухмыльнулся, поправил спадавший с плеч просторный каменный чапан.

«Нет, представьте, слышал... Как меня только ни воспевали, ни восхваляли! Каких только потоков красноречия ни извергали! Бурлило, пенилось красноречие у моих ног, как степная речка в половодье. Я плавился от стыда. Неловко было перед вершинами Алатау, облаченными в вечные снега. Мне показалось, и они, и безбрежное Небо надо мной взирали на меня с насмешкой. И перед женами и детьми было неудобно. Вообще, должен сказать, море, океан слов было обрушено на меня в том юбилейном году. Я бы это тотальное словоизвержение назвал гумбульдизмом...»

Абай-ата рассмеялся дребезгливым смехом, чуть закинув голову.

«Как? Как?» — переспросил я.

«Гумбульдизмом».

«Не понял, Абай-ата. При чем тут Гумбольдт? И кого из братьев имеете в виду — Александра или Вильгельма?»

Абай-ата расхохотался еще звонче, залиvisto, того и гляди из его глаз посыплется град слез.

«Да ни того, ни другого. И вовсе не Гумбольдта, а обыкновенного казахского кумпұлдека, то бишь, грохотала, славослова, пустобреха, краснобая, скудоумного словоблуда. Я-то полагал, что они были только в мое время, а оказывается...»

Абай-ата смеялся, колыхаясь всем своим грузным телом, отчего тряслись стены дворца за его спиной. Смех начал разбирать и меня.

«О, Абай-ата, этих кумпұлдеков-словоблудов развелось ныне пруд пруди. Они и болотную воду взбалтывают, вспенивают мутовками, точно перебродивший кумыс в бурдюке».

«Неужто не осталось моих шакирдов, ведающих подлинную цену слова, золотого изнутри, обрамленного серебром? Для которых творчество — священнодействие, духовная потребность без тщеславия, без желания преуспеть?»

«Не мне судить, Абай-ата. Полагаю, наверняка есть. Как же?! Но больше таких, кто словом, точно бородой своей, приторговывает, сорит на потребу дня. Одни “кумпұлдеки” лижут ноги власти, пресмыкаются перед ней, уповая на премии, звания, награды, другие брюзжат, скулят по углам, третьи норовят кого-нибудь цапнуть исподтишка, да не знают кого, четвертые ведут тихие беседы с собственной тенью».

«Апырай, что так? Разуверились, что ли? Разочаровались? Расписались в бессилии? Исподличались?»

«Сетуют на подлое время. На свою не востребованность. На торжество торгашеского духа. Говорят, время смело, стерло, затоптало, с прахом смешало все благие порывы. Говорят, сам Абай пытался некогда изменить время, да потерпел поражение. Дескать, куда уж нам?!...»

«Извечные терзания духа. Скулеж малодушных... Как это мне знакомо! Но я-то один боролся с тысячью! Художник должен знать свою самозначимость. Ему всегда бывало трудно! Невыносимо! Пушкин что говорил? «Ты — царь, живи один!» Вот он, удел истинного Поэта. Для него и власть не власть, и толпа, сброд не

указ. Я ведь сказал: «Разным людям не верь, что тебя вознесут, ведь они же коварно тебя предадут. Верь себе! И опора и счастье твое — это лишь неразлучные ум и труд». Художественный дар — божий дар. Творчество — долг и ответственность, а не забава. Поэт — пророк, связующее звено между людьми и силами света. И потому всякая земная власть для него — ничто! Если ты поэт, если признан народом, то к чему тебе разная мишура?! Мне ведь, вы знаете, даже тобыктинцы звания народного писателя не присвоили. И поделом: обиделись на то, что я некогда не очень почтительно о них отзывался. Я и в Казахском ПЕН-клубе не имел чести состоять. И ордена «Парасат» не имел. Но разве я от этого страдал когда-либо?!»

«А из нынешних рыцарей пера некоторые просто убиваются, Абай ата, оттого, что не являются лауреатами вашей премии. Просто жалко глядеть на их душевные муки. Как суетятся! Как унижаются! Будь моя воля, я бы им всем, ей-ей, всем подряд присвоил звания лауреата, академика и генералов заодно. Пускай бы тешились! Впрочем, замечаю, к этому и идет: ныне всякий чиновник — доктор наук, всякий акимчик — академик».

«Да, да... есть такая слабость у моих соплеменников. Это как неизлечимая хворь. Напялят на себя чапан с чужого плеча и от спеси, как жаба, раздуваются. Оттого слово осквернено, оно разорвалось. Оно что кизяк, которым бездарь поддерживает угасающий очаг».

«Или ублажает власть предрержащих».

«И этот грех мелочных натур имеет место. А в сущности все просто. Истинный художник не власти принадлежит, а человечеству. Высший смысл в том, чтобы быть не сыном отца, а сыном Отечества. Я слышал: нынешней власти художник не нужен, она предпочитает заурядного торгаша, того же «бойы бұлған, сөзі жылман». Что ж... каждому свое. Не нужен художник власти, ну и слава Аллаху. Значит, и художнику такая власть не нужна. Не так ли? Власть власти — вариант духовного рабства. А для художника это неприемлемо. Пушкин писал: гений и злодейство — две вещи не-

совместные. Я скажу: также несовместны художник и власть. Правителишки этого никогда не понимали и не поймут. Ибо они рабы сиюминутного, временщины, а художник имеет дело с вечностью. То, что создали Пушкин, Лермонтов, Толстой, - достояние веков; оно не подвластно никаким властям. Они сами властелины Духа. В этом и заключена священная вечная тайна бессмертного искусства. Потому, повторяю, поэт — пророк, а не служка, не лакей власть предержавших, не одописец, который скачет по тоям из аула в аул, из страны в страну и промышляет рифмованными посвящениями, зарабатывает себе славу презренным «гумпультлизмом». Власть, как правило, сама все это инстинктивно чувствует, знает про свою ущербность, поэтому всячески примазывается к славе гения, угодничает перед ним, приноравливается к нему, пытается притянуть его к себе, приручить его и сама рядится в яркие лохмотья мнимого прогресса. Нередко эти потуги выглядят смешно и анекдотично».

«Вы правы, Абай-ата. В этом и мы, ваши потомки, убеждаемся на каждом шагу».

«Особенно охотно липнут, точно мухи, к чужой славе чиновники. Это было во все времена. Если сильная власть — самоцель, жди беды. Замечу, кстати, есть еще одна опасная власть — не власть «верхов», не власть власти, а власть толпы, власть низов, власть «жуманкыртов». Быть зависимым от них — еще более унижительно. Поэт не может потакать толпе. Заигрывание с ней — гибель. Толпа не любит гениев. Истиной владеет не большинство, а узкий круг. Земные избранники. Художнику следует доверять не земному, а вечному. Меня больше всего угнетало непонимание, ныне я радуюсь тому, что меня вроде как начинают понимать».

Короткий зимний день угасал. Слабые солнечные блики мерцали чуть заметно на вершинах Ала-тау. Абай-ата устремил свой взгляд вдоль широкого и оживленного проспекта, носящего его имя. Может, он видел в этот час родной Караул-тобе или Акшоки, где родилось немало его стихов и песен, распространяясь

по всей Степи? Я, не мешая его думам, походил, покружился у его подножья, то и дело натываясь на знакомых. «Оу, Гереке! — говорили они мне. — Что-то не видно стало вас в последнее время. Мал-жан аман ба?» «Шүкір, - отвечал я рассеянно, - жив, да прихворнул малость...» «Э, что случилось? Надеюсь, ничего серьезного?» «Да, так... сердечные дела...» «О, будьте осторожны. С сердцем шутить нельзя... Здесь-то что делаете?» «Да, вот... месяца два не был у Абай-ата. Пришел вот... салема отдать... побеседовать». Знакомые поулыбились, поулыбались, Бог весть, о чем подумав. Но на всякий случай заметили: «Дұрыс, дұрыс... Жөн...» и удалились восвояси. Не было у меня желанья рассказать им о моих одиноких прогулках в последнее время, о необходимости быть наедине с собой, о моих безмолвных беседах с Чоканом Чингисовичем Валихановым, Джамбулом, которых я проводывал каждый день в любую погоду.

Когда я вновь подошел ближе к Абай-ата, он бормотал про себя знакомые строки: «Мое довольство — призрачно оно. Как горько мне, что мало свершено»...

«Напрасно вы так, Абай-ата. Поверьте мне: если бы от каждой из национальных литератур остался бы лишь один писатель, то у немцев это был бы Гете, у англичан — Байрон, у итальянцев — Данте, у русских — Пушкин, у казахов — Абай, у узбеков — Навои...»

«О, вы назвали моих великих собеседников, моих утешителей в горестных раздумьях...»

«Да, Абай-ата, вы в этом ряду. Ваши восточные собратья — Физули, Саади, Хафиз... Вы прославили свой народ, Абай-ата. А народ восславил вас. И я тому счастливый свидетель. Великий Гете давным-давно предсказывал единение мировых литератур. Он даже термин такой пустил в оборот — «Вельтлитератур». Так, вот, Ваше творчество рассматривается именно под этой концепцией, в контексте мировой литературы. Разгадывая вашу загадку, загадку провидца-самородка, национального гения, ваши потомки убедились в правомочности такой постановки».

538894
 «Мне идея Гете о духовном единении, о мировой литературе по душе. Только она мне кажется слишком отдаленной. Мне всегда думалось: куда нам, степнякам, до мировой цивилизации! Мне чудилось: все народы на земле обогнали нас в развитии. И меня прямо-таки бесили казахские чванство и спесь. Все это неумное «кыртиянство». Как меня это угнетало! До отчаяния. Бесспорно: никакая культура не может жить в изоляции. Я это твердил беспрестанно. Встречаясь с другими, впитывая благословенный «гибрат», культуры получают новый толчок для развития, Гете говорил: я занялся Востоком, чтобы лучше узнать свою собственную культуру. Таков был мой побудительный мотив, когда я занялся Западом и Россией. Кое-кому из моих соплеменников это и тогда не понравилось, когда я заявил, что мой Восток стал Западом. Но мне, степняку, живущему одиноко вблизи Чингисских гор, и тогда было ясно, что Западный мир стремительно взрослеет, а Восток как бы застрял в затянувшемся детстве... Какая-то нескончаемая тысяча и одна ночь... Я считал, что моему народу, несчастному, трагическому, обделенному, необходимо как можно скорее взрослеть. Теперь чувствую, что во многом был прав или — скажем мягче — недалек от истины. Ибо вопрос о скорейшем взрослении народа и поныне волнует передовые национальные умы. Другого выбора я не вижу».

Быстро смеркалось. Серая мгла нависла над городом. Из ущелий подул сыростью. Я заметил, что Абай-ата пожегился и укутался поплотней в свой просторный каменный чапан. Он по-прежнему вглядывался в даль, в вечность, в беспредельность времени и пространства, и раздумчиво шептал:

*«Время — пряди тумана вдоль гребней гор.
 Ты с надеждой глядишь в туманный простор,
 Ты следишь за потоком безликих дней,
 Вечной сменой их утомляя взор...»*

В вечерней людской толчее по проспекту «Достык»

я медленно направился домой. Думалось о беседе с Абаем-ата, о его посмертной славе и одиночестве, о том, что у гениев, действительно, нет выбора, ибо они мобилизованы вечностью и обречены жить по ее законам.

1996, ноябрь

ВЛАСТИТЕЛЬ — СЛОВО

(Почему трудно переводить Абая)

I

Дотошные лингвисты могут меня поправить, однако, мне кажется, что в поэзии Абая наиболее употребляемое слово — Сөз. Убедиться в этом несложно.

Возьмите его знаменитое стихотворение «Поэзия — властитель языка». Слово «сөз» автор употребляет пятнадцать раз — «сөздін патшасы» («царь слова»), «сөз сарасы» («отборное слово»), «бөтен сөз» («чужое слово»), «сөздін басы» («начало слова»), «сөз жаксысы» («избранное слово»), «сөз кәдірі» («достоинство слова»), «акыл сөз» («умное слово») и т.д.

Читаем другое стихотворение — «Науки не освоив, не кичись». Слово «сөз» встречается здесь двенадцать раз: «шын сөз» («истинное слово»), «сөз мәнісі» («значение слова»), «көптің сөзі» («слово большинства»), «жакынның сөзі» («слово близкого») и т.д.

Далее можно не считать: на «сөз» вы натываетесь едва ли не в каждом стихотворении — «өлең сөз» («стихотворное слово»), «сөзі тәтті» («сладкое слово»), «сөз таныр кісі» («человек, ценящий слово»), «сөз ұғарлық» («понимающий слово») и т.д.

«Сөз» по-русски означает СЛОВО.

Абай восхищается Словом, без усталости обыгрывает его, раскрывает его глубинную суть, призывает ценить его, не употреблять все, не забавляться им, поз-

нать его истину, отличать от слова ложного, пустого, не засорять речь неуместным, чужим словом, сетует на то, что ныне слово упало в цене, его не понимают, ему не внимают, убеждает читателя вслушаться в слово разума, проникнуться словом мудрых.

Нетрудно также понять, что у Абая — как почти все его слова — оно объемное, многоликое, многозначное. Оно не просто слово. Это и язык, и речь, и наставление, и речение, и наставление, и молва, и стих, и мудрость. Слово плоское, серое, однозначное, бытовое Абая не прельщает. Чужды ему и витиеватые, высокопарные, напыщенные, велеречивые, цветистые, как лоскутное одеяло, пенящиеся, как перебродивший айран, «красные» словеса. Он без конца напоминает: его слово «без блеска-сверка», с первого раза, на слух, его не каждый воспримет, не каждый поймет; просит: не брезгуйте моими словами; подчеркивает: всего дороже те, в которых заключен глубокий смысл; внушает: его слова спесивцам недоступны, их поймет только прозорливый, лишь тот, кто сердцем жив, душой открыт.

Почитание поэтического слова, в котором заключены потаенные суть, достоинство и мудрость, — один из главных мотивов поэзии Абая.

Он знал: его стихи не всем по нутру, они необычны, непривычны. Степь за многие века выработала свои поэтические каноны, свой эстетический вкус, свои прочные традиции, своеобразный культ устного слова, ритмизованного, с устойчивыми рифмами, густо перемешанного пословицами, поговорками, ловко или не очень сплетенного из псевдовозвышенных, мнимокрасивых словес. Абай сознательно разрушает эти каноны, ломает сложившиеся традиции, оберегает былые, тысячекратно воспетые на все лады «восточные» темы, привносит в казахскую поэзию новые слова, свежие краски, насыщает слова многозначным глубинным смыслом.

Абай говорит — передаю его слова в подстрочном прозаическом переводе:

*«Мои стихи не о драконах, не о Али-хазрете,
В них «дев прелестных, луноликих» не найдешь.
И старость не кляню, и смерть не воспеваю,
И джигитов к бесстыдству не зову».*

Здесь Абай высмеивает старых акынов и их основную тематику: сказы о сподвижниках пророка, о мифических существах «айдахарах-драконах», о гуриях, «девах со золотым подбородком», о загробной жизни, а также их страсть к неуместному пышнословию и высокопарности.

Не унижать достоинства искусства, ибо поэзия — властительница языка — таково поэтическое, эстетическое кредо Абая.

Значимость творчества Абая для своего народа лучшие его представители «с чутким сердцем и душой» подметили прозорливо. В некрологе в «Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества» (1907), написанном Алиханом Букейхановым, сказано удивительно точно и емко: «Абай был самородок, вынесенный судьбою в безвременье его родины...»

Философы утверждают: процесс творения — самоограничение Бога. Гете уточняет: «В умении себя ограничить проявляется мастер». Самоограничение в этом смысле свойственно и Абаю. Ограничение проявляется в подборе и отборе поэтических средств, в жесткой экономии словесного материала, в уплотнении мысли, в густоте метафорической образности. И именно потому, полагаю, у читателя создается устойчивое ощущение, что творчество Абая даже по объему значительно больше, чем то, что вошло в два скромных тома. Читателя Абая каждый раз неизменно охватывает чувство новизны. Магия его поэзии в ее многомерности, многозначности, полифоничности. С творчеством Абая я, например, знаком со школьных лет, читал его стихи бесчисленное количество раз, писал о нем, цитировал, сравнивал и сопоставлял, делал подстрочные переводы, конспектировал его гаклии — философское

эссе, и все равно каждый раз как бы открываю его для себя заново, невольно поражаюсь глубиной той или иной строчки, ее смысловой многозначностью, свежестью слова, метафоричностью, образностью. И потому кажется, что Абай бездонен, безграничен, огромен, всеобъемлющ.

Не кажется — так оно и есть.

В 1913 году ученый, литератор, просветитель Ахмет Байтурсынов опубликовал в газете «Казах» статью об Абае, в котором он, пожалуй, один из первых раскрыл всю духовную значимость — «главного, ведущего» — казахского поэта. Ахмета Байтурсынова, прочитавшего стихи Абая впервые в рукописи еще в 1913 году, больше всего поразили их новизна, их отличие от творчества предыдущих казахских поэтов. «Слов мало, а значение их многомерно, глубоко», — писал он. Без предварительной подготовки или без специального комментария — читай хоть тысячу раз — некоторых слов не понять. Да слова Абая трудны для понятия рядового, простого читателя, но это не вина Абая, не недостаток его, а беда читателя, не доросшего до восприятия его поэзии.

Так считал Ахмет Байтурсынов восемь десятилетий тому назад. И смысл этого замечания не утрачен и поныне.

Таков Абай. Такова его муза, сложная, далеко не всегда и всем доступная, загадочная. Таково его Слово, многозначное, многоплановое, многокрасочное, многоликое.

И говорю об этом несколько подробнее лишь потому, что пытаюсь объяснить, почему поэзию Абая так трудно переводить на другие языки, почему она до сих пор не звучит достойно по-русски, в чем причина переводческих неудач, чем вызвана бескрылость его поэтических переложений.

II

И в самом деле: то, что нет до сих пор русского Абая, — прописная истина. О том говорим и жалуемся

на всех перекрестках добрых полвека. И каждый раз, когда разговор заходит об очередном сборнике стихов Абая на русском языке, издатели и редакторы хватаются за головы: на каком переводе остановить выбор, из чего выбирать, чьему переводу отдать предпочтение. И на переводчиков сетовать вроде нельзя. Есть старательные, бережные, аккуратные поэтические переводы М. Петровых, Вс. Рождественского, М.Тарловского, Л.Озерова, Ю.Нейман, О.Румера, Ю.Кузнецова. Читаешь их — вполне прилично, весьма близко, похоже, узнаваемо. Начинаешь вникать в перевод, сравнивать с оригиналом — ай, не то, не Абай все же, чего-то не хватает, нет того обаяния, того поэтического шарма, той естественности и многослойности, того дыхания, той мудрости, что в подлиннике. Нет и все. Хоть плачь! И даже слова вроде те, точно переданные, и ритмомелодика сохранена, и рифмы подобраны, подогнаны, и намек на национальный колорит присутствует, и все же не то, не звучит, не играет, не влечет, не завораживает, что-то невидимое, неосязаемое ускользает, уплывает, растворяется и — как говорит Абай — «изъяны всюду выпирают».

Должно быть, по этой причине некоторые литераторы, философы, знатоки и почитатели Абая — я свидетель, — отказываются писать предисловия к сборникам казахского поэта на русском языке. Понятно: хочется сказать о значимости, о своеобразии, о величии поэта, а переводы его стихов этого не подтверждают, скорее, наоборот. Даже лучшие переводы — всего лишь тень, силуэт оригинала. Цитировать подстрочники — тоже не дело. Слишком далеки они от аула Поэзии.

На многочисленных встречах с читателем этот вопрос — «Почему нет Абая в русском переводе?» — задается непременно и неизменно. Бывало, и я задавался этим вопросом. Не имея ни малейших данных (кроме искреннего желания) для воссоздания Абая на русском языке, я в разные годы пытался сделать — хотя бы — подстрочные переводы отдельных его стихотворений, и вскоре убедился, понял: почти безнадежное дело, на-

прасные потуги, мука-мученическая, едва ли не каждое слово Абая противится, сопротивляется, не поддается толмачеству, вызывает уйму синонимов, которые даже все вместе не создают адекват оригинала, поневоле сби- ваешься на косноязычный, многословный пересказ, на бледный, громоздкий комментарий, а подстрочник об- ретает столь неудобочитаемый вид, что от стыда горят уши и от бессилия впадаешь в тоску и уныние.

Вот знакомые мне с детства строки:

<i>Бойы бұлғаң</i>	<i>а4</i>
<i>Сөзі жылмаң</i>	<i>а4</i>
<i>Кімді көрсем, мен сонан</i>	<i>б7</i>
<i>Бетті бастым,</i>	<i>в4</i>
<i>Қатты састым,</i>	<i>в4</i>
<i>Тұра қаштым жалма-жан.</i>	<i>б7</i>

Прочтите, взгляните в одну лишь строфу это- го язвительного, остро сатирического стихотворения. Обратите внимание на ритмомелодику, на схему риф- мовки. Для знающего казахский язык здесь все ясно, понятно, благозвучно, мелодично. Образно. Запоми- нающе.

Итак, начнем переводить строку за строкой.

Бойы бұлған... Хм-м... как же это передать по-рус- ски? Бой — рост, стать. Бұлған - нечто такое, что ка- чается, шатается, вихляет. Да а... трудно переводимый словесный образ. Характеристика с отрицательным оттенком. Едко. Язвительно. Насмешливо. Ну, просто неприятный тип, этот «бойы бұлған». Та-ак... Как же, однако, это сказать по-русски? Прямой перевод: «те- лом изгибающийся... шатающийся...» Понятно: Абай намекает на довольно распространенный аульный ти- паж того времени — хвастун, ловкач, наглец, вертопрах, шатун, гуляка. Смысл, оттенок: праздный, выхваляю- щийся, слоняющийся, воображуля, кривляка, безде- льник с претензиями. Все верно. Но я же не могу на- низывать все эти определения на одну куцую строчку. Нельзя же к одному слову писать страничный коммен-

тарий. Так можно сходу отпугнуть поэта-переводчика. Надо на чем-то остановиться. На чем? Какое определение предпочесть? Какие слова оставить в тексте, а какие — спустить в сноску, чтобы гипотетическому поэту-переводчику было ясней, чтобы что-то подсказать, намекнуть на что-то. Пожалуй, «праздно-шатающийся». Да, очень близко. Подходит. Но какое неуклюжее слово! Неблагозвучное. Громоздкое. Не представляю как его можно втиснуть в поэтическую строку. Ладно, напишу-ка: «праздный гуляка». По крайней мере, смысл такой. Написать-то написал, а на душе нехорошо, беспокойно, кошки скребут. Ну, какой же это «бойы бұлған?» Разве «праздный гуляка» — адекват?

Вздохнешь и начинаешь «толмачить» дальше. Утешаешь себя: в конце концов это ведь не художественный, не поэтический перевод, а всего лишь подстрочник. Небось, сойдет и так. Дам несколько дополнительных красок, оттенков, синонимов и пусть переводчик-поэт ломает себе голову.

Вторая строка — «сезі жылман». Ясно: сезі — «его слова», «его речь». Жылман — нечто скользкое, маслянистое, не ухватишься, не удержишь. Такова речь праздного гуляки — пустая, скользкая, неопределенная, трепливая. Да, этот тип, слоняющийся по аулам, юрок, болтлив, проворен; скользок, словоблуд, пустобай, пустомеля, склонен к сплетне. А как хорошо, ловко эти два коротенькие строчки сочетаются, рифмуются! Как они крепко пригнаны друг к другу! Всего четыре слова, две рифмующиеся строчки — бойы бұлған, сезі жылман — а уже сотворен, вылеплен образ, типаж, дана характеристика, ты зримо представляешь его, шагуна-трепача, оболтуса, праздного гуляку со скользкой речью. Если бы по-русски можно было сказать: «скользкоречий» или «скользкословый», я был бы совсем недалек от «сезі жылман». Но «скользкословый» я пишу в сноске, а в текст подстрочника ставлю «пустой трепач», ощущая при этом ожог неудовлетворения.

Далее чуть проще, понятней. Абай говорит: как только он видит праздных гуляк, пустых трепачей, то

он сильно теряется (конфузится, смущается), закрывает лицо (ладонями) и бежит от них, куда глаза глядят. Но сказано это в стихах, в стройных строках, в строгом ритме, в рифмах. А подстрочник этой строфы выглядит так:

*Праздных гуляк,
Пустых трепачей
Если увижу, я от них,
Лицо закрыв,
Сильно теряясь,
Бегу немедля, тотчас.*

И я, автор подстрочника, смотреть на это уродство не могу. Мне самому противно от этого убогого монстра. Правда, я снабдил эти шесть строчек комментариями, указал на какие-то нюансы и варианты, определил размер, схему рифмовки, даже количество слогов в каждой строке сосчитал, и все же не могу себе представить, как, каким образом, каким чудом неведомый мне поэт-переводчик, не владеющий казахским языком, не чувствующий ментальность оригинала, может из этой нелепости вылепить стих, вдохнуть в эти строки жизнь, воссоздать, возродить на другом языке разъятую, расчлененную, умерщвленную поэзию. Это ведь все равно, что из пепла (о, ужас!) воссоздать живой облик человека.

И так слово за словом, строка за строкой, строфа за строфой, стихотворение за стихотворением добросовестный «подстрочник» толмачит, «буквалит», объясняет, толкует абаевский речестрой, досадуя на свое бессилие и испытывая брезгливость к своему же уродливому творению. А что может сотворить на основе такого — с позволения сказать — материала поэт-переводчик? Пусть самый чуткий, самый талантливый. Будь он хоть о семи пядей во лбу... А мы еще удивляемся: почему нет Абая на русском языке. Почему поэзия не звучит по-русски.

Образы Абая пронизаны национальным мироощу-

щением, мировосприятием. Их невозможно перевести, их бессмысленно воссоздать буквально, их можно только каким-то образом транспонировать, трансформировать в другой языковой лад, в иную плоскость восприятия, в иную сферу представлений.

Скажем такой подстрочник:

*На что же нам надеяться, в чем найти опору,
Если достояние твое растворится
за первым же холмом?*

О чем речь? Об измученных раздорами бедных степняках, состояние которых - одна видимость, оно улетучивается, растворяется, исчезает за первым же перевалом, и тогда на что надеяться народу, в чем искать опору? Собственно, у Абая сказано немного иначе: «На что же нам надеяться, в чем найти опору, если на данные тобой сорок голов скота можно едва ли одолеть первый перевал?» И перевал, и сорок голов скота, которые бедняк-скотовод может в лучшем случае внести во имя какого-либо благого дела, - все это казахские реалии, сугубо национальные образы. Попробуй их втиснуть в одну строку русского стиха...

Или вот:

— Корысти ради другом иной ныне слывет...

Разумеется, это подстрочник. Но смысл ясен. Привести можно лишь еще один вариант этой строки: «Один из-за выгоды другом себя выдает». Но уже следующая за этим строка может вызвать недоумение:

*— А съездит набок твой подзатыльник — мигом от-
вернется*

Понять, конечно, можно. Тот, кто ради корысти, выдает себя нынче другом, завтра в случае беды, неудачи от тебя мигом отвернется. Но при чем тут какой-то «подзатыльник»? И почему и как он «съезжает на-

бок»? В оригинале так и сказано: «жыға». Слово это давно вышло из употребления, и означает оно оборку под богатырским шлемом, покрывающую затылок, подзатыльник. Понятно, если у батыра съехал набок подзатыльник, он становится уязвимым: открытая шея – мишень для стрелы. Подзатыльник из толстой, плотной кожи отлично защищает и от удара дубинкой. «Съехал набок подзатыльник» значит «отвернулась удача». Но «отвернулась удача» – констатация, плоская проза. «Съехал набок подзатыльник» – образ, метафора. Но как этот образ трансформировать по-русски?

Или еще аналогичный пример:

– И выправит их Творец.

Но если быть точным, у Абая сказано: «подадутся в ТЕЗ создателя». Тез – архаизм. Так называется станок, в котором выпрямляют, придают нужные формы уинам, жердям юрты. Абай говорит о том, что создатель всех поставит на путь истины, всех выправит в своем «тезе». Обычно такими деталями при переводе сплошь и рядом жертвуют. Едва ли не к каждой строке Абая приходится давать объяснения. Подстрочно переводишь: «У бая лошадку себе вымогает», а в сноске разжевываешь «склоками, сутяжничеством он добился того, чтобы заново пересчитали (инвентаризовали) дома (юрты, кибитки, очаг) для обложения налогом и тем самым высудил себе у бая коняшку».

Абай пишет «мал», и подстрочник «буквалит» – скот, однако, поэт-переводчик обязан помнить, что скот в казахском языке нередко синоним богатства, достатка, состояния, благополучия.

В обличительных стихах Абая часто встречается слово «пысык». Означает оно: шустрый, ловкий, оборотистый, бывалый, проныра, пройдоха, плут, мошенник, верткий и т.д.

Такое же объемное слово «тасыр»: чванливый, кичливый, самоуверенный, тупой, глухой, грохотун и т.д.

То же самое нежное, короткое слово «жар» – люби-

мая, возлюбленная, супруга, невеста, жена или – поскольку в казахском языке отсутствует категория рода – любимый, желанный, супруг, жених, муж.

Даже маленькая частица у Абая и та функциональна, требует к себе внимания, иначе смысл слова будет раскрыт не полностью.

– *Мұның қалай, батыр-ау?*

Означает эта строка:

– *Что же случилось, батыр?*

– *Как понять тебя, батыр?*

– *Что это значит, батыр?*

– *Ну, что же с тобой, батыр?*

Все дело, однако, в частице «ау». Она придает фразе, обращению к батыру доверительную, с легкой усмешкой интонацию – смельчак, храбрец, герой, приятель, дружище, друг мой. И пренебречь этой частицей при переводе нельзя.

Многоплановость, многозначность слова в поэзии Абая подстерегает переводчика на каждом шагу.

Абай пишет «күмпілдектер», а переводчик начинает перебирать четки синонимов: пустозвоны, трепачи, горлопаны, горлохваты, шушуны, самодовольные, спесивые, чванливые, пустобаи.

Подстрочный перевод:

– *Силач один смутьянов многих одолеть не может.*

Однако, в данном случае «силач», «сильный» – это и мудрец, и честный, и справедливый. А «многие смутьяны» – это мошенники, и жулики, и сброд и т.п. П.Карабан перевел, по-моему, вполне удачно: «На честного тысячи плутов кругом...»

– *Джигиты, игра – дешева, смех – дорог...*

Слово «ойын» в оригинале переводится как «игра», но по смыслу оно подходит и к «шутке», «забаве»,

«балагурству». Неслучайно А. Гатов перевел эту строку так: «Джигиты, дорог смех, не шутовство».

– Две разные вещи ведь – суть и статья.

В оригинале «сыр мен сымбат». Слово эти многозначны: «сыр» – тайна, секрет, «внутреннее»; «сымбат» – вид, осанка, статья, стройность, «внешнее».

– У какого казаха сознание найдешь?

В оригинале «сана» – сознание, мысль, дума. Буквально: «У какого казаха есть сознание?», то есть понятливость, сознательность, может, даже, по смыслу, сочувствие, соучастие.

Нередки у Абая фразеологизмы. Для переводчика это, как всегда, камень преткновения.

Ограничусь лишь двумя примерами:

*– Из тех ты, что пять отдавая,
Шесть умеют взять обратно.*

Это своеобразная парафраза известной казахской поговорки: «Пять много дающему, шесть мало берущему». А. Гатов перевел, на мой взгляд, находчиво:

*– Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.*

А вот случай более трудный. В балладе «Любил молодую красавицу хан» встречается поговорка: «Бұқа буға, азбан дуға». Перевести это трудно. Для проверки я обзвонил несколько знатоков-казахов. Никто толком ответить не мог. Вроде и понятно, а все же зыбко, неопределенно, туманно. Ясно, что бұқа – бык; азбан – кастрат, кастрированное животное. Получается, что бұқа (бык) создан (или пригоден) для «бу», то есть, для пара, образно – для буйства, для страсти, для любовных безумств, а азбан (кастрат) – для «ду», то есть, для шума, гомона, веселья, пира. Все построено на рифму-

ющихся - не очень-то конкретных — словах «бу» и «ду». Смысл: каждому свое, всякому соответствует что-то одно, всяк горазд на свой лад. Как только не изощрялись поэты при переводе этого места на русский язык!

- *Ржет при виде кобылицы жеребец...*
- *Что ж, в стаде самцу свои самки милы...*
- *Конь кобылицей, старец молодницей...*
- *Ржет мерин иной, как скакун племенной...*
- *Знают все: «Мычит и вол под стать быку»...*
- *При виде кобылы жеребчик заржет...*

Что ж... поиски налицо, а результат сомнителен.

Еще одна проблема при переводе Абая — это множество заимствованных, «инородных» слов, искусно и художественно оправданно вкрапленных в поэтическую ткань. Что это за слова? Во первых, архаизмы, ныне почти повсеместно вышедшие из употребления: бергек, жыға, тез, өлекші, райыс, кән, көйт, құрбәт, дәнләку и др. Во-вторых, арабизмы: ғиззәт, сұхбат, нәфритлі, ғибратлі, ақыл-мизан, аят, хадис, мехнат, ғадауат и т.д. (сюда, видно, следует отнести и ряд религиозных терминов и наименований: махлұк, мәкан, махшар, фәни, баки, дәһрі). В-третьих, фарсизмы: бадалык, шаһбаз, баж. В-четвертых, русизмы: закон, виноват, адвокат, интернат, прошение, самородный, счет, судья, военный, коренной, занимайся прямоотой, здравомыслящий и другие.

В оригинале все эти заимствованные слова совсем не случайны, у них своя художественная функция, определенная нагрузка, они то возвышают речь, придают ей своеобразную изысканность, торжественность, то окутывают стих в соответствии с темой в религиозно-мистический флер, то конкретизируют, как бы иллюстрируют сугубо современную мысль. Но как быть при переводе? Оставить их в русско-арабско-персидском облики? В исконной форме вплетать их в русские стихи и давать объяснения в сносках? Или перевести их на современный русский язык и тем самым

как бы нивелировать арабские строки, придать им общедоступное звучание?

У меня нет однозначного ответа.

В своей поэзии Абай нередко говорит об очень сложных философских абстракциях, нравственно-эстетических категориях. Такие стихи и прозой перевести мудрено, а в подстрочнике не сразу то и разберешься, что к чему. Вот, к примеру, в стихотворении (своеобразный поэтико-философский трактат). «Сизый туман – грядущие времена» Абай рассуждает о соотношении понятий «я» и «мое», о душе, о разуме, о плоти, о бессмертии. И свои думы поэт излагает в классически отточенных стихах, в форме традиционного казахского одиннадцатисложника с рифмовкой ааба. Я долго колдовал над подстрочником.

*«Я» – разум и душа, «мое» есть плоть,
«Я» и «мое» – понятия разновеликие.
Для «я» судьбой предназначено бессмертие.
«Мое» обречено и пусть, с тем согласись».*

Думаю, смысл вполне ясен. Но как это изложить стихами, да еще максимально близко к оригиналу? В.Звягинцевой это удалось в большой степени.

*«Я» – разум промолвит. Плоть скажет: «Мое!» –
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрет.
«Мое» – это только земное жильё».*

Да, Абай трудно поддается воссозданию на другом языке. Иногда, кажется, он вообще непереволим. Неподступный. Недоступный. Неприступный. Непостижимый. Невыразимый. Руки опускаются. Отчаяние берет. Даже самый старательный подстрочный перевод, с вариантами, комментариями, историко-бытовым экскурсом, - отвращает. Ибо убивает поэзию. Остается искаженная – при неверном свете – уродливая тень, кошунственное отражение в кривом зеркале. Упорному, дотошному «подстрочнику» лишь изредка уда-

ется воссоздать смысл и общий рисунок, графический облик той или иной строфы Абая. Например:

*«Коль бедняк — смутьян,
Гордыней обуян —
Несчастнее на свете бая нет.
От прихлебателей,
От вымогателей,
От захребетников спасу нет».*

Эти буквально переведенные строки, на мой взгляд, передают не только содержание оригинала, но и намекают на форму, на размер, на ритм, на смену рифмовки. В таких случаях мне кажется, что автор подстрочника выполнил свою функцию. В определенной степени облегчил задачу поэта-переводчика, которому предстоит теперь в эти строки вдохнуть жизнь, озарить живым огнем поэзии. Однако, кто знает, может, это только мне, «подстрочнику», так кажется, на самом же деле я вовсе не облегчил задачу поэта-переводчика, а, наоборот, усложнил ее, невольно загнав его в жесткую структуру и ограничив его возможности для вольной фантазии. Может, поэт-переводчик предпочитает организованному, упорядоченному, максимально приближенному к оригиналу подстрочнику обыкновенную грубую, сырую глину, из которой ему сподручнее лепить все, что только ему заблагорассудится?

Не знаю. Спор давний, старый. Я же пишу о своих впечатлениях, о своем опыте подстрочного перевода двенадцати стихотворений Абая.

III

Так, резюмируя, в чем заключаются трудности при переводе Абая на русский язык? Какие подводные камни подстерегают переводчика на каждом шагу? Это, по моему разумению:

- насыщенность, густота, спрессованность мысли в абаевской поэзии, образность, метафоричность, афористичность;

- сугубо национальная ментальность, национальный дух;

- многозначность, многоплановость почти каждого абаевского слова;

- обилие историко-бытовых реалий;

- созерцательная, назидательная, степенно-возвышенная тональность, обращенность к собеседнику с чутким сердцем и душой;

- загадочность, трагизм одинокой непонятой окружающими и оттого страдающей души.

Можно, конечно, назвать и другие камни преткновения. У меня же сложилось ощущение, что зазвучит Абай по-русски еще не скоро.

Так, как же быть? Сидеть сложа руки? Смириться? Есть ли вообще выход? Или так и останется Абай – национальная гордость, национальная святыня – в узких национальных рамках?

Академик Д.С.Лихачев как-то сказал, что Пушкин до сих пор изучен слабо, осмысление Пушкина, мол, только начинается.

И это при беспредельной всемирной пушкиниане!

Весь мир и поныне изучает Гете. Едва ли не во всех уголках земного шара исправно функционируют гетевские общества. Гетеана составляет монблан. И исследование этого монблана не прекращается ни на миг.

Что же тогда говорить о нашем Абае?

По сути дела мы находимся лишь у подножья горной вершины. У него до сих пор даже нет по-настоящему канонического текста творчества Абая. Диву даешься различиям в его текстах разных изданий.

Да, Абай велик. Абай – титан. О том сказано и написано немало. В восторгах недостатка нет. Нельзя, однако, десятилетиями стоять у подножья и благоговейно взирать на горную вершину. Надо настойчиво одолевать перевал за перевалом, гряды за грядой и подниматься на вершину. Тогда лишь откроется нам ее величие во времени и пространстве.

Думаю, когда-нибудь зазвучит Абай – как ныне говорят, адекватно – и на русском, и на других языках мира. Само Время позаботится о своих гигантах. Забвение им не грозит.

Имеются многие пути для постижения Абая. И ни от одного нельзя отрешиваться. В том числе и от постижения его поэзии на русском языке через подстрочник. На мой взгляд, это наименее благотворный и плодотворный путь, мудрено расслышать Абая через косноязычного посредника, трудно по зыбким ориентирам, по сомнительным вешкам добраться наощупь до сокровенной тайны его смуглоликой музыки, однако и на этом пути не исключены открытия. Кое-какой опыт уже накоплен.

И все же... Трюизм: поэзия переводится поэзией, судьба — судьбой. Душа переливается в душу. И лишь так достигается высшая гармония. Значит, нужен равновеликий талант. Или — скромнее — созвучный, соразмерный. Талант, способный услышать, понять, почувствовать и прочувствовать душу абаевской поэзии в оригинале, пропустить ее через свою душу, через свое сердце и воспроизводить ее на другом языке, в обличии другой словесной оболочки. Это, пожалуй единственный, идеальный путь. Воссоздал же Абай, облекая в безупречную казахскую форму, стихи Пушкина и Лермонтова. Я не исключаю, что именно русскоязычный казахский поэт, дерзкий и бесстрашный, преодолев робость, воссоздаст когда-нибудь достойно Абая на русском языке.

Возможно, открытия ожидают нас на пути переложения, парафразы, медитации «по мотивам», поэтических фантазий «на тему». И подобные формы не стоит исключать. И они могут послужить ступенькой в трудном постижении Абая.

Вот, скажем, Бахытжан Канапьянов написал небольшой цикл под названием «Мотивы Абая».

*«Не знаю, как я жил до нынешнего дня,
И пройдено и видено немало.
В любви и в спорах сердцем отпылало,
Покой в моей душе. Былого нет огня.*

*Что в этой жизни остается для меня?..
Мне, грешному поэту, не пристало*

*Себя аллаху посвятить, стихи кляня,
Аллаха мое сердце не искало.*

*Приумножать стада, увольте, не хочу.
И степью управлять, увы, не по плечу.
Не облегчить людские мне страдания.*

*И свои мысли и живую свою речь —
Все это в СЛОВО остается мне облечь.
Тебе, о человек, мои признания!..»*

Понятно, это еще не сам Абай. Эти строки навеяны прилежным чтением Абая — и стихов его, и философской прозы. Все это — очень знакомое, дорогое, абаевское. Это именно мотивы Абая, чутко услышанные, через сердце пропущенные его далеким потомком, нашим современником. И такая форма поэзии имеет право на жизнь. Она передает дух великого поэта. Она как бы приучает исподволь русского читателя к поэзии Абая, подготавливает его душу для будущего восприятия и постижения подлинного казахского гения.

Абай вечен. Абай бесконечен. Он стоит в ряду гигантов духа. Он олицетворяет целый народ.

1991.

ПОСТИЖЕНИЕ СУТИ

(Опыт одного конкурса)

Несколько лет тому назад журнал «Простор» объявил конкурс на переводы стихов Абая. Кем-то были отобраны три стихотворения казахского классика: «Красотка-девушка у хана жила...», «Не верь людям, как бы тебя ни восхваляли» и «Тиктакание часов — не забава...»

Отбор — на мой взгляд — не самый удачный.

Первое стихотворение — бесхитрое повествование, баллада с ярко выраженной фольклорной окраской, весьма распространенная форма в казахской поэзии. Особенных трудностей для перевода — за исключением одного-двух фразеологизмов — я здесь не вижу.

Второе стихотворение — традиционно-назидательное. Все ясно, понятно, доступно. И все переводимо. Лексические вариации общего смысла почти не меняют.

Третье стихотворение — более глубокое, философское, раздумчивое. Но и оно было в свое время совсем не плохо переведено Ю.Нейман.

Вероятно, для конкурса следовало предложить более сложные, неподатливые переводу стихи Абая.

Был опубликован тщательно выверенный подстрочный перевод. И некоторое время спустя из номера в номер стали печататься поэтические переводы под псевдонимами.

Не знаю, кому – как, а мне эти переводы читать было любопытно. В самом деле, очень интересно, как одну и ту же фразу – казалось бы совсем простую, однозначную, даже тривиальную – каждый переводчик подает по-разному, иногда – совершенно неожиданно, и вариациям этим нет конца. Вот, к примеру, куда как простое предложение, голая констатация – первая строчка абаевской баллады: «Бір сұлу қыз тұрыпты хан колында...» - «Красивая девушка жила-была у хана...» «Буквальнее» перевести, кажется, уже и невозможно. Ну, разве что «қыз» – «девушку» заменить дево́й, красавицей, красоткой, или прибегнуть к поэтической инверсии. Большого из этой строки – чудится – и не выкроешь. Ан нет!

- *Жила-была красавица у хана...*
(В.Киготь)
- *Жила у хана юная жена...*
(Ю.Гловский)
- *Обзавелся хан еще одной женой...*
(П.Корнев)
- *Была молодая у хана жена...*
(М.Налимов)
- *Красивая хану досталась жена...*
(З.Пахарукова)
- *Любил молодую красавицу хан...*
(Драгман)

В хрестоматийном переводе Ю.Нейман:

- *Красотка-девушка у хана жила...*

Повторяю: строка и в оригинале абсолютно однозначная, информативная, и то сколько получилось вариантов при переводе на русский язык.

Я охотно вошел в жюри этого конкурса, хотя и понимал: дело хлопотное, трудоемкое, даже тягостное. Попробуй осмыслить пятнадцать (кажется, именно столько поэтов приняло участие в конкурсе) вариантов трех стихотворений (68 x 15 строк), сопоставить их с

оригиналом, понять или угадать ход мысли и творческого поиска каждого переводчика! Я видел свою роль главным образом в том, чтобы в меру своего разумения выявить соотношение между оригиналом и переводом, определить уровень точности перевода, подразумеваемая под точностью — близость тональности, дыхания стихотворения, соответствие смысла, содержания, адекватность художественных, изобразительных элементов и эстетического воздействия.

Подобные конкурсы следует приветствовать, устраивать почаще. Путь постижения сути нелегок, тернист. К открытиям можно прийти и методом проб и ошибок. По крайней мере переводческие варианты и вариации наталкивают на размышление. А это в свой черед способствует (или может способствовать) открытию «русского» Абая.

Что бросается в глаза при ознакомлении с конкурсными переводами? Думаю, поверхностное знание самого Абая, его времени, его среды. И отсюда наиболее распространенная погрешность — стремление во что бы то ни стало «переплюнуть» оригинал, желание показаться глубже и сложнее, вычурнее, вследствие чего — пережимы, перехлесты, домыслы, украшения, усложнения, игра в созвучия, тяга к фонетическим финтифлюшкам, разным цирлих-манирлих.

И тогда там, где Абай в моем прозаическом переводе просто говорит: «Тиктаканье часов — не забава, то свидетельство, что жизнь проходяща» (ср. У Ю.Нейман: «Не просто это — звук часов «тик-так», то уходящих дней бесспорный знак») переводчик-конкурсант начинает сочинять на свой салтык:

*«Ось зашипела в бешеной машине,
Сцепила насмерть зубья шестерни.
Личину дней в стальной стержне щетине
Гримасой шевельнуло изнутри».*

(В. Киготь)

Ни одна строчка, ни одно слово в этом «переводе»

не имеет ни малейшего отношения к Абая. Прямо-таки колют глаза неизвестно откуда взявшиеся «шестерни», «маховики», «механизм», «циферблат», «иллюзии», «кошей», мелькающие в конкурсных переводах. Отсутствуют у Абая и «питоны», и «удавы». Вообще за счет поздних переводчиков необычайно обогатилась лексика Абая. Эдак скоро дойдет и до «консенсуса» и «плюрализма»...

Иногда переводчики начинают расписывать, фонетически украшать Абая:

*«Идут часы, мы слышим мерный стук.
И далеко не прост он, этот мирный звук».*
(Ю.Гловский).

Или:

*«За нею свита плавает тягуче
Подобием зыбучего бархана».*
(В.Киготь)

Может, это и «красиво», и «образно», но Абай-то тут при чем? Да и не нуждается он в подобном спонсорстве.

Иногда конкурсанты банализируют:

- И не гонись за славой, слава – дым...

Или:

- Но человек надеждою живет...
(Ю.Гловский)

К трюизмам Абай вообще не питал слабости. Неуклюжие выражения, а то и нелепости встречаются в переводах довольно часто:

*- Кольцом змеиным обовьет иной такой питон...
- Стреноженной к быку корова не пойдет*
(Ю.Гловский)

- Ровня ровню ищет исперва в любви.

- *Честь семьи твоей не может защитить
Поощряемый тобою же разврат.*

(П. Корнев)

- *Старит время, мчится время напроход.
- Погнавшийся за остывающей страстью.*

(М. Налимов).

- *..... и в глубине души
Мерцаньем смысла жизни заручусь.*

- *В нем зреют незримо измена и глум.*

(З. Пахарукова).

- *Они — не быки, а любовь — не корова
Стреноженной к ним чтоб ее привести*

(Г. Чернышева)

Режет слух как явно инородный элемент в переводе абаевского текста слова: «господь», «никчемушен», «девчонка», «девчушка», «злато-серебро», «господь милосердный», «сколь», «покой», «небось», «вампир», «тать», «коль», «боже» и т.д.

Думаю, можно вполне обойтись и без «мушель» («и если старше ты на целых два мушеля») и уж — тем более — без «кыз» («Кыз бросилась в бездну, срывая наряд»...)

Встречаются вымученные, сомнительные или — как говорят немцы — за волосы насильно притянутые рифмы:

отнюдь — дают — вернуть;

тать — сказать — назад;

год — подойдет — господь.

Разумеется, в каждом стихотворении есть так называемые ударная, стержневая строка, определяющая — как камертон — его тональность, суть, интонацию, размер. Скажем:

- *Сенбе жүртқа, тұрса да қанша мақтап...*

- *Не верь толпе (людям), как бы (тебя)*

ни восхваляла...

В давнем, многократно изданном переводе А.Гатова первая строфа абаевского стихотворения звучит так:

*«Разным людям не верь, что тебя вознесут, –
Ведь они же коварно тебя предадут.
Верь себе! И опора и счастье твое –
Это лишь неразлучные ум и труд».*

А вот вариант первой строки у переводчиков-конкурсантов:

- *Не верь тому, кто похвалить тебя готов...*
(Муравей)

- *Не верь хвале толпы двуликой и пустой...*
(Г.Чернышева)

- *Не верь льстецам, их похвалы – туман...*
(Ю.Гдовский)

- *Не верь – пусть до небес тебя превознесут*
(П.Корнев)

- *Не верь хвале, какая б ни была –*
(З.Пахарукова)

- *Не верь ты людской похвале никогда...*
(В.Костин)

- *Сладких слов на свете много,
Так и что ж?*
(В.Киготь)

- *Тем, кто льстит, не доверяй никогда*
(М.Налимов)

- *Верить людям, что хвалят тебя, не спеши*
(Драгоман)

- *Людям не верь, захлеб пусть хвалы поют*
(Яраш)

- *Не доверяй медоточивым фразам*
(Г. Шеремет)

По-разному слышали переводчики абаевскую строку и трактуют ее по-своему. Иные предельно близки к оригиналу, другие аранжируют мысль, прибегая к расшифровке, концептуально и контекстуально оправданной. Одно очевидно: неверно, или слишком вольно воспроизведенная строка непременно потащит на кривую тропинку всю строфу, а за ней - и все стихотворение. Стоило одному из конкурентов пренебречь подстрочником, прочесть первую строку совсем уж по-своему, как и последующие строки стали удаляться все заметнее от оригинала.

*«Сладких слов на свете много,
Так и что ж?
В них подчас горька начинка —
Чем не ложь?
Труд да ум твой — две опоры, два крыла,
В них поверишь, как в себя,
Не пропадешь».*

Суть другого стихотворения, предложенного переводчикам-конкурсантам, выражена в двух последних строках:

*- Сүйенген, сенген дәурен жалған болса,
Жалғаны жоқ бір тәңірім, кеңшілік қыл.*

Дословно:

*- Если время, которому веришь
(на которое опираешься), лживо,
То будь милосерден, один ты,
необманный мой тэнгри.
(т.е. будь милосердным, прояви милосердие,
яви широту души).*

У А.Гатова заключительные эти две строки воссозданы так:

*- Не вечен, видно, век у человека,
И лишь Предвечный — верный наш оплот.*

Кажется, неплохо, по смыслу близко, по форме довольно лапидарно, отточено, хотя и тут Абай заметно опрошен, как бы адаптирован. Мысль о том, что «не вечен, видно, век у человека» в стихотворении Абая, разумеется, присутствует, по крайней мере явно подразумевается, но все же поэт говорит немного о другом: «если даже время-опора, время-вера обманчиво, то яви хоть ты широту души, мой необманный тэнгри-создатель». Вот о чем идет речь. При этом Абай прибегает к слову «дәурен», которое не совсем «время», а ближе к «эпохе», «периоду», «течению бытия».

Кто-то из переводчиков-конкурсантов этого не понял, кто-то, возможно, и понял, вник в смысл, да почувствовал неловкость за Абая, так откровенно и благоговейно уповавшего на Тэнгри-создателя, Творца.

И перевели так:

*Как жизнь твоя к закату подойдет.
Но человек надеждою живет!*

(Ю.Гловский)

И неточно, и плоско, и банально.

*Коль изменит мне в пути моя надежда,
Бог всеправедный надежду мне пошлет.*

(Муравей)

Понять следует, видно, так: если уж не оправдается моя надежда, бог даст мне новую.

*О, если мои устремления – вздор,
Господь милостивый, дай знать наперед.*

(П.Корнев)

Нет, нет... не о том речь. Не то и не так говорит Абай.

*О, господи! Не обмани надеждой –
Узнать, зачем все мчалось и куда!*

(З.Пахарукова).

*И если надежда обманет меня,
Будь милостив, бог, и продли мой черед!*

(В.Костин)

Где-то рядом, по одной тропиночке бредут переводчики, будто заклинило их на «надежде». А вот М.Налимов совсем в сторону ушел:

*Истекает, убегает навсегда —
Лишь создателю то ведомо, куда.*

«Оригинально» прочел оригинал В.Киготь:

*Не ставь, сочтя, что жизнь была — осечка,
Мой бог, остановись на запятой.*

«Не ставь» имеется в виду «точки золотой». О том сказано в предыдущей строчке. У Абая, напомним, нет ни «осечки», ни «запятой». Непостижимо, каким образом Абай мог вообще спровоцировать переводчика на подобный домысел.

Отдалились — приблизились.

*И если жизнь — обман, хоть ты, создатель.
Опору дай, надежду возроди!*

(Шеремет)

*Ты лишь один, Тэнгри, не знаешь обмана —
Не покидай, когда надежда уйдет.*

(Яраш)

*Если только надежда моя станет ложью,
Будь оплотом моим ты последним, господь.*

(Г.Чернышева)

И уж совсем недалек от оригинала Драгоман:

*Коль обманет надежда, меня не оставь,
Безобманный мой бог, мой последний оплот!*

В балладе «Красотка-девушка у хана жила» наиболее коварными для переводчиков оказались две строки. Одна — древняя казахская поговорка: «Бұқа — буға, азбан дуға». Она, действительно, трудно переводима. Суть ее — в противопоставлении быка (производителя) и вола (кастрата). Абай намекает, или — точнее — име-

ет в виду старика, который — будучи на два мушель (на четверть века) старше — взял себе в жены молодку. Означает поговорка: бык создан для буйства, для страсти, вол — для шума, пира. По смыслу — каждому свое. На все лады изошрялись переводчики, создавая свой адекват с помощью скакуна и мерина, коня и кобылицы, самца и самки, жеребца и жеребчика. И все же более близка к истине оказалась М.Петровых, чей перевод баллады известен давным-давно:

«Как бык плодлив, так вол шумлив» — говорят.

Может, только «плодлив» непривычно для слуха...
Другая строчка, о которую споткнулись почти все:

Мүйіз шығар қатынның тіліне ерсең...

Буквально:

Вырастут рога, коль слушаешься бабу.

С этими «рогами» получился конфуз. Видно, переводчиков сбил с толку подстрочник, образный стереотип. Между тем «казахские» рога совсем не то, что русские или европейские. Фразеологизмы не совпадают. Казахи говорят: «Ал, немене? Мүйізін шықты ма?» — «Ну, и что? Рога у тебя выросли?» Это означает: «Чего достиг?», «Чем выделился?», «Получил свое?!» и т.д. Это ироническое выражение. В «Казахско-русском фразеологическом словаре» (Алма-Ата, «Мектеп», 1988) объяснено; «Мүйіз шығу». Ирон. Букв: рогам вырасти. Достигать вершины счастья».

Вообще в азиатском регионе человек с рожками — значит, видная личность, богом отмеченный. Вспомним Ескендыра Зулкарнайна — Александра Двурогого — Александра Македонского.

Русская женщина (француженка или немка), изменив мужу, наставляет ему рога (по-немецки: *Hörner aufsetzen*). Казашка в таких случаях «сует соломинку в глаза мужу» («күйеуінін көзіне шөп салды»), т.е. засоряет его взор. Следовательно, когда Абай говорит: «Мүйіз шығар қатынның тіліне ерсен», то это к изменническим рогам никакого отношения не имеет, а оз-

начает насмешку, ухмылку, иронию: «Ну, и чего ты, дурень, добьешься, потакая бабе?!», или: «Желанного счастья, что ли, достиг, послушавшись бабы?!»

Переводчики-конкурсанты (впрочем, как в свое время и М.Петровых) клюнули на известный стереотип и попались на расхожие рога:

- *Рогат будешь, бай, уж поверь, старый, мне...*
- *Умрешь рогоносцем под хохот людей...*
- *Будешь высмеян за щедрость и рогат...*
- *Однажды обнаружишь, что... рогат.*
- *Доверившись жене, ты будешь рогат.*

И только В.Киготь в своей оригинальной манере трансформировал рога в иной лад:

- Старик безрогий юным женам скушен...

В абаевской балладе красавица-девушка («сұлу кыз»), спасаясь от брачных ласк старика, бросается с кручи в глубокую воду («жартастан кыз құлапты терен суға»). М.Петровых перевела:

- *В пучину бросилась, срывая наряд...*

Переводчики-конкурсанты дали волю своему воображению:

- *В пропасть бросившись, нашла она конец...*
(Муравей)
- *И бросилась в бездну, она со скалы...*
(В.Костин)
- *Кыз бросилась в бездну, срывая наряд...*
(Г.Чернышева)
- *Сочтя за лучший выход — утопиться*
(В.Киготь)
- *Так лучше со скалы — и в океан...*
(Ю.Гловский)
- *С кручи та однажды бросилась в реку...*
(П.Корнев)
- *Сказала и бросилась в пропасть она...*
(М.Налимов)

- *С обрыва та бросилась в омут речной...*

(З.Пахарукова)

- *И бросилась в бездну бушующих вод...*

(Шеремет)

Сто лет назад (1896) сыновья Абая Абдрахман, Тураш, Магавья решили написать стихи на заданную тему — о часах. Не устоял от соблазна участвовать в подобном «семейном конкурсе» и Абай. Его стихотворение было признано лучшим.

Абай создал философское стихотворение. Он размышлял о том, что «тиктаканье» часов свидетельствует об уходящем времени, что все проходит, время необратимо, часы отсчитывают человеческий путь, постоянно напоминают, что старость неминуема, и не надо себя обманывать, надо помнить о том всегда, минута — что жизнь мелькнула — прошла, и если все на свете преходяще, если твое время, твоя эпоха обманчивы, то приходится человеку уповать на единственного необманного шедродушного Творца.

В том же году родилось и другое — очень созвучное этому — стихотворение: «Не верь тем людям, что тебя восхваляют». Уже много переживший, испытавший немало горьких разочарований мудрый Абай предостерегает: не верь разным людям, толпе, молве — предадут, не пленяйся лестью, пустой похвалой, все это мираж, верь лишь себе, своему сердцу, отыщи в его глубине жемчуга, береги их, не бросай.

Стихи написаны проникновенно, исповедально; слова подобраны тщательно, отборно, им — тесно, мыслям — просторно. Стихи эти вечны, бессмертны. Переводить их нелегко, непросто. Над этими строчками «мудрили» и подстрочникисты, и опытные переводчики, и даровитые поэты. Они пытались максимально приблизиться к оригиналу, воссоздать на другом языке его глубинный смысл и форму, донести до русскоязычного читателя боль, чаяния, раздумья, надежды, веру казахского классика.

Не всегда и не всем это удавалось. Не удалось во

многом и переводчикам, живо откликнувшимся на конкурс журнала «Простор». Более того, они — на мой взгляд — не достигли даже того уровня, которым отмечен перевод этих стихотворений, осуществленный задолго до них М.Петровых, Ю.Нейман и А.Гатовым. Разве что более удачными получились отдельные строчки или строфы.

Но они дерзнули и доказали свое право на поиск. Еще раз наглядно показали, как трудно переводить Абая, как непросто даются удачи и открытия, что конкурс на лучший перевод был нужен и полезен и что опыт этот, бесспорно, нуждается в дальнейшем продолжении и развитии.

1991

КАК АКАДЕМИК МИТРОФАН СИЛЬЧЕНКО ПЕРЕВОДИЛ АБАЯ

Я давно уже на собственном опыте убедился, что переводить Абая даже подстрочно — мука-мученическая. Почти ни одно его слово не поддается простому перекладу. Оно многозначно. Его не переводить надо, а почувствовать — как сам Абай говорит — сердцем и душой, его следует осмыслить чутким умом, ошутить зрячей душой, а осмыслив, ошутив, почувствовав, необходимо воспроизводить выразительными средствами другого языка, которые чаще всего тебе недоступны, неподвластны. Чаще всего мне кажется, что поэзию Абая вообще немислимо воспроизводить на русском. Однако, долгие годы я был уверен, что уж подстрочный-то перевод должен быть доступен человеку грамотному, чувствующему нюансы языка. Ныне и в этом сомневаюсь. Не столько переводишь, сколько объясняешь, толкуешь, нащупываешь оттенки, варианты. И при этом постоянно испытываешь жуткое недовольство, терзаешься своей беспомощностью, бессилием.

Немало вреда поэзии Абая нанесли ученые. Нередко толкуя его и так и сяк, они в доказательство каких-то весьма плоских истин иллюстрируют их теми или иными строчками, снабжая их совершенно немислимыми подстрочными переводами. Читаешь такие «переводы» и только руками разводишь. Что за бессмыслица? Что за дикое косноязычие? И какое это имеет отношение к поэзии Абая?!

Вот несколько примеров из «Творческой биографии Абая» академика М.С.Сильченко (Алма-Ата, Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957).

...Қала берді бозбала.

Абай описывает житейскую бестолковость аульных шалопаев, которые в немудреных хлопотах изжили свою жизнь, ну, сватались, женились, получили кое-какое наследство от родителей, прослыли хозяевами, а потом спохватились, криком исходят, да что толку, прошла-миновала юность. Вот в чем смысл выше приведенной строчки. Если уж «буквалить», то примерно так:

...Осталась юность позади.

Но в «ученой» книге стоит:

...Город дал щегольство.

Как? Откуда? Каким образом? Ведь ничего похожего — даже отдаленно — в тексте нет.

Оказывается, ученый автор перевел строку так: «кала» — «город, «берді» — дал, «бозбала» — юность, под-росток, ну и получилось — «город дал щегольство». А о том, что «кала берді» в данном случае глагольная форма, автор и не подозревал.

...Бәрін көріп кісіден.

Имеется в виду повадка аульных ловкачей, взяточников и воров, которые склонны во всем обвинять чужих. Так примерно эта строчка и переводится:

...Во всех грехах других обвиняя...

...Все спирая на других...

...Во всем вина свой народ..

У автора же нечто совсем другое:

Буду у людей на виду.

И каким образом получился у него такой «перевод», я объяснить не могу.

Описывая «старого свата» («деда Мороза»), Абай говорит, что он «лихо заломил белоснежную шапку» («Ұшпадай бөркін киген окшырайтып»), а в книге переведено:

Наморщив шапкой брови (?)

Моего воображения не хватает, чтобы представить такое – наморщить брови шапкой.

Стихотворение у Абая называется «Менсінбеуші ем наланды», т.е. «Пренебрегал я невеждой», «Не жаловал невежду». Автор переводит: «Я презираю невежд (невежду)».

У Абая «Келдік талай жерге енді», т.е., «прожил я уж немало лет», «Немало я прошел по жизни», автор переводит: «Теперь мы подошли к такому месту».

Попробуйте понять что-нибудь из этого набора слов:

*Я весь в смятеньи,
Пойти в толпу на зов,
В чужом дому болтаться,
О, вынесу ли я,
Попав потом в чужой дом?*

И что из таких «кирпичиков» может соорудить не знающий языка оригинала художественный переводчик? Разумеется, махнув на здравый смысл, он сочинит нечто такое «оригинальное», которое никак не соотнесешь с Абаем.

Абай:

*«Сайра да зарла, қызыл тіл,
Кара көңілім оянсын».*

У Сильченко:

*«Пой и рыдай, мой стих (язык)
Пусть проснутся мрачные думы»,*

Ну, зачем спрашивается, Абаю нужно, чтобы проснулись мрачные думы, когда он и так угнетен, раздавлен тяжкими раздумьями? Он говорит другое: «Пусть

скорбные думы развеются», «Пусть скорбная моя душа встрепенется».

Абай пишет:

*«Күлкі бақтық,
Жоқ немеге сүйініп».*

Буквально: «Смех стерегли, восхищаясь тем, чего нет», «восхищаясь миражом, мишурой».

Смысл: «Утешались забавой, увлекаясь миражом».

У Сильченко переведено:

*«Счастливый смеется.
Нет ничего радостней для него».*

Ну, что тут скажешь? Как говорится, и запаха оригинала нет.

Неточности встречаются сплошь и рядом.

*«Сылдырлап өңкей келісім
Тас бұлақтың суындай».*

Буквально:

*«Текут-журчат созвучия сплошные,
Точно вода из горного ключа».*

А в книге Сильченко стоит:

*«Журча рифмы разные
Польются потоком среди камней».*

Или:

*«Қуатты ойдан бас құрап,
Еркеленіп шығар сөз».*

Буквально:

*«Из могучей мысли, сочетаясь,
Рождаются, нежась, (ласкаясь, шаловливо), слова».*

Речь понятно, идет о таинстве рождения стиха.
У Сильченко:

*«Рожденные могучей мыслью,
Собираются слова»*

Как говорится, Федот, да не тот. И так везде и всюду.
А потом сетуем: нет Абая на русском языке. Откуда ему
быть, если даже подстрочник – сплошное уродство?

1993

ДАЙДЖЕСТ АБАЯ ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Кажется, самое время сделать небольшое отступление.

Менее всего я хотел бы, чтобы у читателя моих заметок сложилось впечатление, будто я несколько поверхностно или даже пренебрежительно отношусь к переводу «Евгения Онегина», осуществленному вершинным казахским поэтом Абаем.

Это ни в коем случае не так.

С переводами Абая из «Евгения Онегина» я, как и все мои сверстники, знаком едва ли не со школьной скамьи. Мы, учащиеся казахских школ, эти переводы знали наизусть и даже пели. Они глубоко вошли в наше сознание.

Известно, что переводы бывают разными: точный, адекватный, прилежный, старательный, живой, мертвый, банальный, творческий, ученический, подлинный, вольный, свободный, в стиле назирь, пересказа, переклада, приблизительный, рабский, вдохновенный, состязательный, объективный, субъективный, отрывочный, избирательный и т.д. — какой хотите.

Ни один из этих видов не подходит для полной характеристики перевода Абая. Многие крупные исследователи (М.Ауэзов, З.Ахметов, Н.Габдуллин,

М.Каратаев, Г.Мусрепов, М.Базарбаев, Ш.Елеукинов) — кто мимоходом, вскользь, кто основательно, дотошно — затрагивают эту тему, но ни один из них так и не решился с абсолютной категоричностью отнести переводческий опыт Абая к конкретному типу перевода.

Это и невозможно.

Легче всего отнести перевод Абая из «Евгения Онегина» к вольному, свободному, избирательному, к назире, но в любом случае это будет односторонней трактовкой.

Тому, что делал Абай при переводе избранных мест из «Е.О.», я не знаю аналога в мировой литературе. В восьми отрывках из «Е.О.», выполненных Абаем в 1887-1889 годах (я сосчитал: всего 376 строк), изложены квинтэссенция пушкинского романа, его сущностная любовная линия в приспособлении, адаптации к казахской ментальности, к мировосприятию и духоустройству казахского слушателя того времени, в извлечениях и трактовке основной канвы повествования, философии, образов и поступков героев романа с учетом духовного заряда и общественных запросов, требований той эпохи, той казахской среды, в которых бытовал и творил великий одиночка Абай.

Видите, сколько слов я нагромождаю, стараясь точнее выразить то, что сделал Абай с «Евгением Онегиным».

Он сделал то, что не делал никто до него, что было не под силу никому. И потому метод перевода, примененный Абаем в отношении к «Е.О.», не может быть примером, образцом для прямого подражания при переводе оригинала на какой-либо язык.

Для этого надо быть Абаем, что — увы и к счастью — невозможно.

Восемь отрывков перевода Абая из «Е.О.» — это своеобразный, неповторимый («Einmalig» — говорят

в таком случае немцы) философский, мировоззренческий, сознательный, высокохудожественный, тщательно продуманный и осмысленный ДАЙДЖЕСТ, исполненный пером гения.

Когда я уже закончил свои «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова», мне попало на глаза блистательное, обстоятельное исследование профессора Шериаздана Елеуенова «Эпистолярный роман Пушкина и Абая» на казахском языке в книге его «Сұлұлықка інкәрлік» («Жажданье красоты») – А., «Білім», «Жеті жарғы», 1999, стр. 228-256. В этом исследовании тщательно и убедительно рассмотрены все аспекты абаевских переводов из «Е.О.», и анализ Ш.Елеуенова изобилует множеством верных и нестандартных, свежих наблюдений и заключений. И я посчитал нужным о том сказать, несмотря на то, что мой объект в данном случае – исключительно перевод «Е.О.» на казахский язык, осуществленный конкретно Ильясом Джансугуровым.

2001

ДВЕ СТРОФЫ АБАЯ

Обстоятельный разговор о книге «Двадцать стихотворений Абая» (сост. и пер. М.Адибаев, Алматы, 2005, 288 стр.) состоялся 22 апреля 2005 года в Зимнем саду Дома Ученых в Алматы. С одобрительными отзывами об этой книге выступили академики С.Каскабасов, Г.Есим, С.Кирабаев, доктор филологии Ш.Елеукенов, литературовед Р.Кайшибаева, писатели М.Магауин и автор этих строк, председатель городского акимата и составитель сборника поэт, переводчик, литературовед М.Адибаев.

Книга была единодушно оценена как явление в казахской литературе. Она действительно составлена интересно, продуманно. В нее вошли двадцать стихотворений Абая, переведенных в последние годы Маратом Адибаевым непосредственно с оригинала на русский язык. Своеобразие книги видится в том, что помимо своего перевода составитель приводит в книге оригинал (в хронологической последовательности), тщательный подстрочный перевод каждого из двадцати стихотворений, художественные версии, разных переводчиков, и таким образом русскоязычный читатель получает возможность всмотреться в оригинал, ознакомиться с подстрочником и вчитываться в разные варианты (трактовки, версии прочтения) поэтического перевода. Такой принцип издания стихотворений Абая

на русском языке мне кажется целесообразным и оптимальным, наиболее верным, эффективным путем осмысления и постижения уникального национального поэта. Именно к такому принципу я прибегал при составлении книг «Абай. Свою судьбу от мира не таю...» (А., «КРАМДС - Ахмет Яссауи», 1995), «Абай. Стихи» (А., «Ғылым», 1995, совместно с Л.Степановой), «Абай. Слово седьмое» (А., «Мектеп», 2002). И мне приятно, что Марат Адибаев пошел по этому — плодотворному, на мой взгляд — пути, снабдив книгу к тому же словом-благословением Фаризы Унгарсыновой, вводкой составителя, обстоятельной вступительной статьей Раушан Кайшибаевой «Восхождение к Абаю», фотографиями и графическими заставками, пространственным философским эссе Гарифоллы Есима «Хаким Абай», исследовательской статьей Герольда Бельгера «Властитель — слово», краткими биографическими сведениями о поэтах-переводчиках Абая. Все эти «обрамления» делают книгу еще более достойной, серьезной, поучительной, располагающей к обстоятельному, глубокому анализу.

Убежден, что абаеведы, исследователи, преподаватели, любители изящной словесности не раз с благодарностью обратятся к этой книге. Я же пока хочу ограничиться кое-какими размышлениями по поводу переводов-толкований двух строф из разных стихотворений Абая. Первый этюд относится к одной сложной строфе из стихотворения «Сизый туман — грядущие времена», второй — к первой строфе стихотворения «Когда умру, не стану ль я землей?».

I. «Я» и «Мое»

Известный философ и писатель Гарифолла Есим в своем труде «Хаким Абай» обстоятельно анализирует, философски трактует несколько ключевых, программных стихотворений Абая, раскрывая понятие о понятиях (философию слова) великого казахского Поэта, Мудреца, Мыслителя. Философские этюды Гарифоллы — ключ к постижению сущности абаевских слов,

его сокровенного духоустройства, метод его вдумчивого, проникновенного чтения. Философ как бы вводит нас, равнодушных читателей, тех, кто обладает зрячей душой, в загадочный, манящий, сложный мир Абая. Этюды эти — откровение. Их надо читать и перечитывать, вновь и вновь обращаясь к первоисточнику, к строкам самого Абая, дабы постичь не только «красоту речений», но и Дух.

Я не философский трактат пишу, не предлагаю новых прочтений, я всего-навсего попытаюсь в переводческих записках показать, как трудно трансформировать мысли Абая на иные языки, какие предлагаются разными переводчиками на этом пути варианты, версии, нюансы. В основу своих размышлений я беру две строфы из книги «20 стихотворений Абая». Не знаю, кому как, но для меня, переводчика, это всегда любопытное и поучительное занятие.

Абай — вечная, неразгаданная тайна. Он обладает непостижимой магией. Со школьных лет (а я, напомним, учился в казахской школе) читаю и перечитываю его, многое помню наизусть, часто цитирую его. Я написал о нем немало, и все равно каждый раз знакомые его слова и фразы, сентенции и максимы поражают (не только меня) новой гранью, неожиданным смыслом, иным значением и окраской, и ты себя ловишь на мысли: «Апырай, как же я раньше на это не обратил внимание! Как я о том не подумал? Надо же! Все сказал, все охватил этот степной Мудрец — «самородок — сары алтын». И еще как сказал! Из камня искры высекает гений!»

Эту абаевскую всеохватность, проникновенность, непостижимую глубину и многогранность, многослойность, скажем по-модному, многовекторность, признают все. И именно в этом кроется магическое величие Абая.

Вот строка, которая зачаровывает, околдовывает, настраивает на сосредоточенное раздумье, на философский лад:

«Көк тұман — алдындағы келер заман...»

Кто из мыслящих не пытался проникнуть в грядущее, провидеть в зыбком тумане грядущих дней то, что уготовлено судьбой? Об этом размышляет и Абай, предлагает собеседнику разгадать диалектическую связь соотношения между понятиями «Я» и «Мое».

Прозаически я перевел эту строку так:

«Сизый туман – грядущие времена...»

Это зачин, отправная точка, констатация, прелюдия, камертон к раскрытию основной стержневой мысли. Эта строка определяет тональность всего стихотворения, состоящего из восьми строф (32 строки).

Перевод Веры Звягинцевой:

- Грядущее скрыто туманом от нас...

Перевод Аркадия Штейнберга:

- Время – пряди тумана вдоль гребней гор...

Перевод Ауэзхана Кодара:

- Грядущее скрыто в тумане сплошном...

Перевод Марата Адибаева:

- Грядущие лета – неведомый туман...

Пожалуй, с той или иной оговоркой, все варианты приемлемы, т.е. выражают смысл и форму оригинала, определяют размер, тональность, дыхание и интонацию. На мой субъективный взгляд, мне лично ближе версии Звягинцевой и Кодара. Не буду вдаваться в подробный грамматический анализ этих переводов, но разница в звукозаписи, в фонетической организованности, если и не бросаются в глаза, то вполне воспринимается слухом. Вслушайтесь в обилие гласных в оригинале:

«Көк туман – алдындағы келер заман...»

Явное благозвучие, напевность. Теперь произнесите слова, на «гр», «скр», «вр», «пр», «гре», «гор» у Звягинцевой и Штейнберга. Фраза раскатистая, грохочет, гремит, не так ли? Допускаю, что переводчики на это и не обратили внимание, не задумались о том, они заботились о смысле и подборе рифмы. Но языковед, теоретик перевода Лев Щерба учил своих учеников обращать внимание и на фонетическую сторону лингвистического анализа. Но мы не станем особенно углубляться в лингвистические дебри, довольствуемся тем, что смысл и размер абаевской строки передан средствами русского языка и ключевое слово — «туман» — присутствует у всех переводчиков, да и «грядущее» почти у всех на месте. К тому же разговор предстоит не об этой строке, а о строфе, в которой, кажется, выражена суть стихотворения и которая представляет наибольшую трудность при переводе.

Третья строфа этого стихотворения в оригинале звучит так:

*Ақыл мен жан — мен өзім, тән — менікі,
«Мені» мен «менікінің» мағынасы екі.
«Мен» өлмекке тағдыр жоқ әуел бастан.
«Менікі» өлсе өлсін, оған бекі.*

Даже сутубо визуально определить не сложно: традиционный одиннадцатисложный казахский стих с формой рифмовки ААБА.

Это — форма. А вот содержание... в нем-то и сокрыта вся сложность. Попробуйте втиснуть мысль Абая в заданную форму стиха.

Для большей ясности приведу подстрочный перевод:

*«Я» — разум и душа, «мое» есть плоть,
«Я» и «мое» — разновеликие понятия.
Для «я» судьбой предначертано бессмертие,
«Мое» обречено и пусть, с тем согласись.*

Последнее утверждение может иметь варианты: «то не оспаривай», «с тем смирись», «на том стой», «в том утвердись».

Полагаю, даже из подстрочника совершенно ясно, что хотел сказать Абай. «Разум», «душа», «плоть», «я» и «мое» — важные, стержневые понятия, элементы в мировидении Абая.

Вот как поэтически переложила на русский язык сокровенную мысль Абая Вера Звягинцева:

*«Я», - разум промолвит. Плоть скажет — «Мое»,
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрет,
«Мое» — это только земное житье.*

Что мы видим? Мысль передана. Тональность соответствует оригиналу. Антитеза «Я» и «Мое» выражена. Форма рифмовки соблюдена. Смушает: «бессмертное никогда не умрет». Конечно, не умрет, коли оно бессмертное. «Мое» обречено, предопределено изначально судьбой. Оно, в таком случае, лишь «земное житье». Возражений нет. Однако Абай интонирует: «Ну и пусть!» — «Умрет — так умрет!». С этим надо смириться, тут ничего не поделаешь. И мы смиримся с тем, что при переложении мысли с языка на язык какими то нюансами неизбежно приходится жертвовать. Никуда не денешься. Так было — так будет. Слова одного языка никогда не покрывают семантически слова другого языка. Что уж тут говорить об образе, метафоре, сравнении и прочих художественных фигурах? Ясно, что переводчик, прежде всего, стремится передать поэзию поэзией, образ — образом, дух — соответствующим адекватом. И рецензенту-аналитику не пристало заниматься «ловлей блох». Переводчица, думаю, «выжала» максимум.

В переложении А.Штейнберга данная строфа звучит так:

*«Я» — душа и сознание, а плоть и кровь —
Оболочка души, их к смерти готовь.
Пусть бессмертна душа, но тело умрет,
Так терпи же, крепись и не прекословь!*

По мне вполне приемлемо. И форма, и содержа-

ние, ритм, рифма – все на месте. Версификационно грамотно, умело и весьма близко к оригиналу. Правда, «сознание» все же не совсем «акыл» (разум, ум), да и «пусть» не на месте. В том, что душа изначально бессмертна. Абай не сомневался, «пусть» у него относится к плоти. Ну, а больше вроде и придраться не к чему. То, что этот перевод вошел в разные издания Абая на русском языке, полагаю, вполне объяснимо и естественно. И Звягинцева, и Штейнберг переводили Абая по подстрочникам, которые чаще всего все же топорны и косноязычны, но они, переводчики, сумели-таки услышать оригинал, проникнуться его ритмомелодикой, лексическим материалом и донести до русского читателя дух абаевского стихотворения. А это и поразительно, и достохвально.

Версия Ауэзхана Кодара:

*Знай: Я – это разум, а тело – Мое,
В двух сущностях разных мы мирно живем.
Бесплотное Я изначально бессмертно,
Мое не спасти, не горюй же о нем.*

Меня тронуло это «Знай». В данном стихотворении этого доверительного обращения к читателям нет, но это так характерно для Абая: он любит ставить вопросы и исповедально беседовать со своим слушателем. Так что «Знай» вполне в контексте. Уместно и в «двух разных сущностях». Верно и то, что «я» изначально бессмертно («эуел бастан», говорит Абай). «Мое не спасти» – парафраз «умрет так умрет!» (Өлсе өлсін). И нечего о том горевать.

Абсолютно приемлемая версия. «Корректная», – говорят в таком случае шахматисты. Кодар перевел с подлинника, он Абая услышал без посредника, выдержал ритм, интонацию, размер.

Марат Адибаев тоже обошелся без посредника, перевел непосредственно с языка на язык и предложил русскому читателю такую вариацию:

*«Я» - разум и душа, «Мое» — есть плоть,
«Я» и «Мое» — неравные понятия.
Для «я» начертаны Всевышнего объятия,
«Мое» — лишь Время обмануть резон.*

Первая мысль: откуда «резон»? И с чем это слово рифмуется? Не с «плотью» же!

Первое впечатление: внешний рисунок строфы, форма рифмовки, размер оригинала оставили переводчика равнодушным. Не о том была его забота. Каноны одиннадцатисложника его не прельщали. До ААБА ему тоже дела не было. Он, видно, всецело был поглощен адекватной передачей мысли. Перевод первой строчки у меня возражения не вызывает. Но невольно подумалось: «Какие же рифмы переводчик подобрал к слову «плоть»? Прочитав вторую строку, я решил: «Ага, переводчик, значит, решил переконструировать форму оригинала. Решил обойтись классической формой русского стиха с перекрестной рифмой. Что ж... такое допускается. Иногда правомерно. Помнится, и Дудин вогнал абаевский оригинал в четырехстопный ямб. Да и в мировой литературе можно найти сколько угодно примеров, когда переводчики, исходя из природы национальной поэтической формы, вполне сознательно переконструируют оригинал». Третья строчка при переводе оказалась созвучна со второй: «понятия» — «объятия». В казахском одиннадцатисложнике подобное не встречается: третья строчка, как правило, свободная. Четвертая строчка у переводчика неожиданно кончается на «резон», и в том, признаться, я никакого резона не усмотрел. Строка как бы зависла, не находя подпорки в созвучии.

С таким решением переводчика поспорить можно. Но, видно, он руководствовался каким-то своим кредо. Он бережно (прежде всего) донес содержание, смысл, сохранил размеренную интонацию, а остальное его особенно не волновало. То, что он изменил форму рифмовки, еще не основной изъян. Эксперимента ради можно вообще ничего не рифмовать, а передать

суть стиха белыми стихами (как поступила лужичанка Р. Домашина, дерзнувшая перевести на немецкий язык несколько стихов Абая).

Конечно, Абай бы проиграл, получился бы однобоким, к которому мы не привыкли. Для нас, большинства его читателей, он все же очень гармоничен — «сынғырлап өнкей келісім». Форма и содержание у Абая находятся в неразрывном единстве. В этом его сложность, трудность при перекладке на иной язык, но в этом и его шарм, магия. «Резон» здесь не только ни с чем не рифмуется, не сочетается, не перекликается, но и вовсе чужеродный элемент в абаевской лексике, в его речестрое. Но смысловой фон вполне приемлем. Первые две строчки в переводе Марата очень даже в контексте данного стиха. Именно это и имеет в виду Абай. О том, собственно, и речь. И переводчик это сумел передать. Ничего не имею против «Всевышнего объятия», которое образно ассоциируются с бессмертием. «Мое», конечно же, проходное, смертное, и Абай о том не жалеет и советует по этому поводу не огорчаться, не скорбеть, смириться. Поэтому соглашусь и с тем, что «Мое» — лишь Время (именно с большой буквы!) обмануть. Правда, признаюсь, «резон» режет мой слух, как нечто из другой оперы.

Все сказанное выше по поводу переводов одной строфы из стихотворения Абая «Сизый туман — грядущие времена» имеет, полагаю, отношение вообще к поэтическому переводу и, в частности, к переводам — переложениям Абая на другие языки. Книга «Двадцать стихотворений Абая» — удачное, доброе подспорье для профессионального разговора на эту неисчерпаемую тему.

II. «Когда умру, не стану ль я землей?»

В своем многократно переизданном эссе «Исповедь поэтов» я пытался подробнее сказать об этом стихотворении Абая в соприкосновении, в духовной перекличке с «Ехеці топumentum» Горация, «Я памятник себе воздвиг...» Ломоносова, Державина, Пушкина,

«Vermächtnis» Гете, ибо «Когда умру...» Абая, на мой убежденный взгляд, стоит в этом ряду.

Не буду повторяться и рассуждать здесь обо всем стихотворении (шедевр сей состоит из семи строф — 28 строк). Сосредоточу внимание читателя на переводы первой его строфы.

Вот как она звучит в оригинале:

Өлсем — орным қара жер сыз болмай ма?

Вслушайтесь: медленная, раздумчивая, тяжелая поступь. Вопросительная, исповедальная интонация. Доверительное обращение к собеседнику, точнее — к потомкам. Предчувствие скорой кончины. Откровение. Завет. Желание — раскрыть душу. Поделиться сокровенным. Смысл: Вот умру — и не станет ли черная, сырая земля моим местом, моим приютом?

Подстрочный перевод Глеубаева:

Умру — место мое разве не сырая земля?

Я бы перевел буквально так:

*Умру — разве не черная, сырая земля станет мне
обителью?*

Необходимо при передаче на русский язык найти ключ ко всему стихотворению, уловить дыхание, настроиться на размер, на поступь казахского традиционного одиннадцатисложника.

И вот как прозвучала эта строка в вариациях русских переводчиков:

Юлия Нейман:

- Когда умру, не стану ль я землей?

Михаил Дудин:

- Умру. И стану вновь землей.

Юрий Кузнецов:

- Когда я умру, то с землей смешается прах.

Ауэзхан Кодар:

- Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев?

Марат Адибаев:

Когда умру — не духом мне могила.

И да прозвучит в этом ряду и мой германский собрат Леонгард Кошут:

Werd ich zu Erde, wenn der Tod mich rafft?

Понятно, первая строчка в той же тональности, в том же ритме, диктуя, навязывая рифму, тянет за собой и следующие строки.

Прошу внимания.

Абай:

Өткір тіл бір ұялшак қыз болмай ма?

Та же интонация. Второй посыл — второй вопрос.

Смысл: Разве не подобен острый язык стыдливой девушке? Или: разве не бывает похож острый язык на робкую деву? Обратите внимание на рифму, свойственную казахской версификации: созвучны четыре слога — «сыз болмай ма?» — «кыз болмай ма?»

Подстрочник Тлеубаева:

Острый язык — разве не скромная девушка?

Мой подстрочник:

Острый язык — не стыдливая ль дева?

Буквально: ұят — стыд. Ұялшак — стыдливая.

Вот вариации переводчиков:

Юлия Нейман:

Язык мой дерзкий — девушкой немой?

Сразу вопрос: почему «немой»? Ну, во-первых, «стыдливая» в общем-то, близка к «немой». Могла

онеметь от смущения, не правда ли? А во-вторых, надо подобрать рифму к «землей». Вполне полагаю, понятно и допустимо.

М.Дудин:

И мой язык насмешкой злой...

«Стыдливая дева» исчезла, появилась злая насмешка — мой язык. Не анализирую — констатирую.

Ю.Кузнецов:

Умолкнет мой острый язык, словно дева в слезах.

Ну коли, дева стыдлива, робка, почему бы ей не быть в слезах? К тому же окончание предыдущей строки «прах» нуждается в рифме. Значит все, думаю, уместно в пределах логики и эстетики.

А.Кодар:

Не станет ли нрав мой скромнее стыдливых дев:

Вполне адекватно. Только почему «нрав»? Или «язык» не лез в строку?

М.Адибаев:

В сырой и мрачной глубине...

Переводчик оставил «стыдливую деву» в покое, решив углубить, расширить картину места, куда неизбежно попадет человек после смерти — «сырой и мрачной глубине», т.е. как бы слегка уточнил, дополнил и спонсировал Абая. В поэтическом переводе это, в общем-то, допускается и постоянно случается ради главной цели — передачи духа. Не станем заниматься ловлей блох и мелочиться.

Л.Кошут:

Verstummt die scharfe Zunge mädchenhaft?

Германский переводчик шел по следам русского

перевода в исполнении Нейман и сделал максимум: нашел в немецком языке рифмы для казахской формы ААБА.

Две последующие строки приведу попарно, ибо при поэтическом переводе эквилинеарный принцип сохранить далеко не всегда возможно.

Абай:

*Махаббат, гадауатпен майдандасқан
Кайран менің жүрегім мүз болмай ма?*

Как хорошо, удивительно стыкуются фонетически созвучные, диалектически неразъемные махаббат (любовь, персидско-арабские корни) и арабское гадауат (вражда, гнев, ненависть) вкупе с глаголом, образованном от майдан (война, ристалище, бой, фронт, сшибка), майдандасқан (по семантике: схлестнувшись, сошедшие в яростной битве)! Как звучно, округло, полногрудно, раскатисто, сингармонично слышны гласные звуки — особенно открытое «а» (ашык жуан дауысты) — ма-хаб-бат, га-дау-ат, май-дан-дас-қан — подлинная стихия казахского речестроя!

Пожалуй, в этой строфе это самая ударная по смыслу строка, мимо которой не должен пройти переводчик. И за ней еще одно ударное словосочетание — «кайран менің жүрегім» — «бедное мое сердце». Это — «кайран» звучит как вздох, как скорбь, как печаль утраты, как сожаление по бедному, измученному, усталому сердцу поэта, превратившееся после смерти в сырой, стылой земле в льдинку. И этой деталью, думаю, переводчик жертвовать не должен.

Подстрочник Глеубаева:

*Любовь и вражда бьются (воюют) меж собой
Разве сердце от этого не леденеет?*

По-моему, излишне упрощенно, прямолинейно, лобово. Потеряны нюансы. Я бы перевел подстрочно так:

*Схлестнувшееся в битве любви и ненависти
Бедное мое сердце не обернется ль льдом?*

Вот что получилось у переводчиков:

Ю. Нейман:

*Бездушным льдом — пылающее сердце
Что за любовь боролась с жизнью злой.*

Дух передан, но акценты смещены. Антитеза: бездушный лед — пылающее сердце. «Злая жизнь» — кажется банально, но в контексте, Абай вообще-то мог так сказать.

М. Дудин:

Не тронет ледяным коварством,
Сердец, обиженных судьбой.

К поэтической фактуре придирааться не стану, однако, у Абая все же немного не так. Он ведь говорит о бедном своем сердце, а не вообще о чьих-то сердцах, обиженных судьбой. К тому же Абай на судьбу и не обижался, ибо судьбу, по его разумению, творит не человек, а Аллах, который единственная суть и истина. И при чем здесь ледяное коварство, когда речь о сердце поэта, истерзанном яростной битвой между любовью и ненавистью и превращающемся после смерти в лед? Да, можно доказать, что все эти детали вполне в контексте абаевской поэтики, и все же, все же, все же...

Ю. Кузнецов:

*- И бедное сердце любя, ненавидя и мучась,
Растает как льдинка, у Господа в теплых руках.*

А. Кодар:

*Мое сердце, в котором боролись любовь и вражда,
Не станет ли льдом, где не властны ни радость,
ни гнев?*

М. Алибаев:

*Язык мой острый и строптивый
Оледенев, не возразит тебе.*

Тут сразу может возникнуть вопрос: куда у Марата подевались альтернативные махаббат и гадауат? Они есть у Марата, он их перенес во вторую строфу:

*И в сердце яростном сражаясь
Любовь и ненависть, мечты, обман —*

Л. Кошут:

*Erstarrt zu Eis mein Herz, das es in Fehden
Voll Haß und Liebe focht mit aller Kraft?*

У Кошута лексически все точно, но последние две строчки строфы сместились, синтаксически слились, переконструировались.

Теперь объединим все строки в одну строфу и вслушаемся (или — лучше — всмотримся) в текст, настраиваясь на ритмомелодику оригинала.

Абай:

*Өлсем, орным қара жер сыз болмай ма?
Өткір тіл бір ұялшак қыз болмай ма?
Махаббат, гадауатпен майдандасқан
Қайран менің жүрегім мұз болмай ма?*

Какая, однако, прелесть! Все в этой абаевской строфе — и вопрос к судьбе, и философичность, и печаль ума, и образность, метафоричность, и созвучие, и констатация смиренности перед неизбежным, необратимым, и исповедальность, обнаженность и доверительность. Стих этот трогает, волнует до спазмов в горле, если читатель (или слушатель) обладает чутким сердцем и зрячей душой.

Юлия Нейман, одна из первых переводчиц этого программного, хрестоматийного стихотворения-завещания Абая, уловила ритм и интонацию оригинала:

*- Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий — девушкой немой?
Бездушным льдом — пылающее сердце,
Что за любовь боролась с жизнью злой?*

Я давно привык к переводам Ю.Нейман. Она угадала размер, дыхание, ритмомелодику оригинала и весьма приблизилась к нему лексически. И вопросительная интонация на месте. И форма традиционного казахского одиннадцатисложника с рифмой ААБА сохранена. И смысловая суть строфы в общем-то передана средствами русского языка.

У Дудина эта строфа получилась так:

*- Умру. И стану вновь землей,
И мой язык насмешкой злой
Не тронет ледяным коварством
Сердец, обиженных судьбой.*

Дудин, как видите, сохранил внешний рисунок формы. Тоже прибег к форме рифмовки ААБА. Но вопросительную интонацию заменил утвердительной. Абай вопрошает, доверительно обращается к потомкам. Дудин утверждает, горестно констатирует. Яростную борьбу любви и ненависти он заменяет противопоставлением «ледяного коварства» с сердцами, обиженных судьбой. Версификационно вроде все приемлемо, однако отход от оригинала явственен. Переводчик уловил идею Абая, трансформировал ее по своему, снабдил ее другими словами, другими поэтическими средствами. При сличении с оригиналом можно придраться ко многому. Эта же строфа в переводе **Ю.Кузнецова**:

*- Когда я умру, то с землей смешается прах.
Умолкнет мой острый язык, словно дева в слезах.
И бедное сердце, любя, ненавидя и мучась,
Растает, как льдинка у Господа в теплых руках.*

Что мы видим? Строки длиннее, дыхание шире, размер просторнее, поступь тяжеловесней. Смысл оригинала понят и передан. И кайран жүрек — бедное сердце оттенено. И идея антитезы любви и ненависти на месте, хотя и трансформировалась в деепричастие. А коли размер удлинился, то пришлось вставить кое что от себя: «дева в слезах», «у Господа в теплых руках», «льдин-

ка растает». Вопросительная абаевская интонация исчезла. Переводчик, как и Дудин, утверждает. Но форму ААБА сохранил. Оригинально, своеобразно, но есть предмет для спора.

Перевод **А.Кодара**:

*- Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев?
Не станет ли нрав мой скромнее стыдливых дев?
Мое сердце, с которым боролись любовь и вражда,
Не станет ли льдом, где не властны ни радость,
ни гнев?*

Кодар прежде всего максимально близок к оригиналу семантически, лексически, интонационно, формально. Это главные достоинства его перевода. Для меня он вполне приемлем. Правда, на мой взгляд, стих тяжеловесен, как гомеровский гекзаметр. Режет слух: «в котором» — оборот чуждый для поэтического слога. Потеряна важная деталь «кайран жүрек» — бедное мое сердце. Явно утяжеляют «где не властны ни радость, ни гнев». Но слова эти для Абая текстуально оправданы. Да и что не сделаешь ради рифмы, каких только слов не загонишь в заданный размер?! Состязательный, творческий порыв неизбежен. О том свидетельствуют вдохновенные переводы самого Абая из Пушкина, Лермонтова Крылова.

Вслушаемся в перевод **Адибаева**:

*- Когда умру — не пухом мне могила,
В сырой и мрачной глубине.
Язык мой острый и строптивый,
Оледенев, не возразит тебе.*

Первая строка привлекает внимание. Так Абай мог сказать. И, в сущности, он это и говорит. Конечно, суть уловлена, но изложена по своему, по-другому, не правда ли? Абай обрел более куцую форму, вопросительно-исповедальной интонации нет. Форма рифмовки изменилась - АБАБ. Размер другой. Какие-то образы, детали перекочевали в следующую строфу.

Вполне закономерно, что Марат поставил свой вариант перевода в ряд своих предшественников. Как еще одна версия. Как опыт. Как попытка. Как еще одна ступенька на пути постижения Абая. Однако, вчитываясь в данный перевод, я ловил себя на мысли, что повторяю про себя известную строчку Абая: «Кем-шілігі әр жерде көрініп тұр-ау», т.е. «изъяны видны, увы, и там, и тут».

И пусть в заключении моего затянувшегося этюда прозвучит в ряду переводов и немецкий перевод этой строфы в исполнении Л.Кошута:

*Werd ich zu Erde, wenn der Tod mich rafft?
Verstummt die scharfe Zunge mädchenhaft?
Erstarrt zu Eis mein Herz, das es in Fehden
Voll Haß und Liebe focht mit aller Kraft?*

Кошут бережно следовал переводу Нейман и озвучил его прекрасно, изящно с соблюдением ритма, мелодики, интонации, формы рифмовки и, разумеется, лексики, смысла. О том я писал в «Аманате» (№ 6, 2004).

Понятно, я наметил здесь лишь некоторые пунктиры, указал на внешнюю сторону перевода двух строф из двух стихотворений Абая. Напрашивается анализ фонетический, морфологический, стилистический, синтаксический и т.д., т.е. филологически всесторонний и дотошный. Конечно, это должно быть интересно и поучительно. Но, полагаю, в другой обстановке.

апрель 2005 г.

«КНИГА СЛОВ» АБАЯ И ЕЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Давно уже на собственном опыте убедился я, что переводить Абая даже подстрочно — мука-мученическая. Почти ни одно его слово не поддается простому перекладу. Оно многозначно. Его не переводить надо, а чувствовать, как сам Абай говорит, сердцем и душой, а осмыслив, ощутив, почувствовав, необходимо воспроизвести выразительными средствами другого языка, которые чаще всего недоступны, неподвластны.

С годами я все больше склоняюсь к тому, что поэзию Абая вообще немислимо воспроизводить на русском языке. Однако долгие годы был уверен, что уж подстрочный-то перевод должен быть доступен человеку грамотному, чувствующему нюансы языка.

Ныне в этом сомневаюсь.

Не столько переводишь, сколько объясняешь, толкуешь, нащупываешь оттенки, варианты. И при этом постоянно испытываешь жуткое недовольство, терзаешься своей беспомощностью, бессилием.

Впрочем, удивляться этому не стоит. Обычное явление, когда имеешь дело с подлинной поэзией. Нелучайно американский поэт Роберт Фрост считал, что «поэзия — это то, что непереводаимо на другой язык».

Стало банальностью жаловаться на то, что на русском языке поэзия Абая не существует. Очередная попытка воспроизвести ее на русском предпринимает-

ся в преддверии 150-летия со дня рождения великого казахского поэта. Вот, к примеру, виднейший русский поэт Михаил Дудин незадолго до своей кончины перевел 34 стихотворения Абая. Перевел старательно, бережно, увлеченно. Неплохими переводами порадовал Евгений Курдаков. Есть удачные попытки у Ауэзхана Кодарова. Появились переводы Абая на немецком, французском, арабском, китайском, турецком, английском языках. Выделены на эти цели немалые средства, заново заготавливаются тщательно выверенные подстрочные переводы, проводятся творческие конкурсы на лучшие переводы стихотворений Абая. Кто знает, может, на этот раз повезет, и мы на пути долгожданных открытий.

Естественен вопрос: в чем же, собственно, трудность перевода абаевской поэзии? Отвечу: в иной ментальности казахского миропонимания и духоустройства, в иной языковой стихии и эстетических ценностей, в иной орнаментально-образной форме выражения, в многомерности, многозначности казахского слова.

Орнаментальность и многозначность слова и сбивают переводчика с толку. Ведь в поэзии переводить надо не слова, не даже очевидный смысл, а образ.

Понятно, это отнюдь не свойство исключительно казахского языка. Скажем немецкое слово «Gemüt» может означать и «душа», и «нрав», и «характер», и «чувства».

Валерия Порохова ар-Рашид (переводчица Корана — «Перевода смыслов») пишет: «Одно и то же слово в арабском языке может иметь до восьми значений, и моя языковая среда помогает мне выбрать именно то значение, которое необходимо в данном случае».

И в этом вся суть.

Чувство точного значения слова в каждом конкретном случае и есть переводческая азбука.

Но, как известно, Абай писал не только стихи. Его перу принадлежит и своеобразная эссеистская проза, которая также все еще мало известна русскоязычному читателю.

Абаевские «Кара сөз» Виктор Шкловский перевел так: «СЛОВА-НАЗИДАНИЯ» (через дефис, как одно понятие). Сатимжан Санбаев перевел: «СЛОВА НАЗИДАНИЯ».

Между тем «Кара сөз» или «Ғаклия» означает нечто иное. На это неоднократно обращали внимание критики и литературоведы. По сути дела, «Слова...» Абая — не назидание, а размышления, суждения, то, что ныне нередко обозначают словом эссе — своеобразное изложение сокровенных исповедальных мыслей, дум. Подобную манеру письма Монтень образно характеризовал, как «бросать перо на ветер». Это философские очерки, максимы и рефлексии, изложенные в непринужденной, изящной манере, отличающейся вдохновенным строем мысли.

Поясню то же в сравнении. Скажем, древний китайский канон конфуцианства нашел отражение в «ЛУНЬЮЙ». Буквальный перевод — «Освобожденные изречения». Имеется в виду то, что ученики Конфуция, собравшись вместе, по памяти, по записям обговаривали и обсуждали изречения Учителя и создали эту книгу. Смысловой перевод более точен, нежели буквальный — «Суждения и беседы».

Клара Серикбаева и Роллан Сейсенбаев, переводившие абаевские «Кара сөз», (Алматы, 1992) назвали свой труд «КНИГОЙ СЛОВ».

Перевод на русский язык, осуществленный В. Шкловским, был для своего времени совсем не плох. Более того — старательный, бережный труд. Но, во-первых, он печатался в сокращении, о чем чистосердечно упоминалось в сносках, во-вторых, самое объемное и, несомненно, самое сложное по смыслу, по философскому содержанию, перенасыщенное арабизмами (188 арабских слов и фраз!) тридцать восьмое Слово было вообще опущено, а, в-третьих, как известно, переводы имеют обыкновение устаревать. Именно по этой причине многие классические произведения время от времени переводятся заново. Эпопея «Война и мир», например, переводилась на английский язык

восемь раз, на немецкий — четырнадцать раз, на японский — семь раз.

И то, что В. Шкловский переводил по подстрочнику, явно бросается в глаза. Оттенки он не слышал, не чувствовал, не ощущал.

Тридцать седьмое Слово перевел Леонид Соболев. Здесь недостатков, неточностей особенно много. Многословие, стилистическая размытость, разжиженность, вялость фразы, духовная приземленность бросаются сразу в глаза при сопоставлении с оригиналом.

Сатимжан Санбаев перевел «Кара сөз» Абая четверть века назад, когда он был еще очень молод и неопытен. И перевел он — должно быть, потому — местами излишне вольно, неточно, часто трактовал по-своему, нередко — приблизительно, а то и просто искаженно, чересчур «осовременял» текст, вставлял слова и выражения, которые никак «не лезут» в абаевские «ворота», такие, как банкрот, вампир, вакханалия, смотрит фертом, фронт, эрудиция, процесс, плохой эпитет, идит, вельможи, рыцарь, баста, франтовство, репутация, сконфузился, обмишурился, масштаб, констатирую, идеал, фиксирует, субстанция, результат и т.д. Эдак не мудрено было дойти до «консенсуса» и «плюрализма».

Я этот перевод изучил, находил и достоинства, но еще больше явных изъянов. Помнится, Габит Мусрепов отнесся к переводу Санбаева осторожно, сдержанно. предпочитал перевод Шкловского, а вот Михаил Дудин говорил мне, что ему именно перевод Санбаева ближе, «теплее», нежели перевод Серикбаевой и Сейсенбаева, который я Михаилу Александровичу горячо рекомендовал. Мои аргументы его не убеждали.

Я же придерживаюсь такого мнения: из имеющихся на сегодняшний день трех вариантов перевода абаевской прозы на русский язык последний — К.Серикбаевой и Р.Сейсенбаева — по моим параметрам (современность, стиль, тональность, лексика, отношение, проникновение, точность) лучший. К такому выводу я пришел в результате дотошного сравнения и сопоставления слова за словом, фразы за фразой, аб-

защита абзацем всех трех переводов с оригиналом. Проиллюстрирую свой вывод несколькими конкретными примерами.

Переводчики чутко услышали ритмомелодику, дыхание абаевского потока мысли и живо воспроизвели ее разговорную, доверительную, исповедальную тональность.

«Хорошо я жил или плохо, а пройдено немало: в борьбе и ссорах, судах и спорах, страданиях и тревогах дошел до преклонных лет, выбившись из сил, пресытившись всем, обнаружил брэнность и бесплодность своих деяний, убедился в унизительности своего бытия. Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь?» («Слово первое»).

Абай очень экономен в словах, лаконичен. Фраза его мускулистая, упругая. Переводчики почти всегда адекватно воспроизводят эту его особенность:

«Мудрые мира давно заметили: человек ленивый бывает, как правило, труслив и безволен; безвольный - труслив и хвастлив; хвастливый — труслив, глуп и невежествен; глупый — невежествен и не имеет понятия о чести, а бесчестный побирается у лентяя, ненасытен, необуздан, бездарен, не желает добра окружающим». (Слово третье).

Или:

«Хороший ребенок — в радость, плохой — в тягость».

«Твори благо разумному, глупого оно только портит».

«Как ни прекрасна мысль, пройдя через уста, она тускнеет».

Или:

«Мир — океан, время — веяние ветра, ранние волны — старшие братья, поздние волны — младшие братья. Поколения сменяются чередой, а кажется — незыблем их покой» («Слово тридцать седьмое»).

Переводчики «Книги Слов» старались по мере возможности передать живость, тональность, лапидарность абаевской прозы. Мужество, терпение и наход-

чивость проявили переводчики при воспроизведении современным высоким литературным языком глубоко философский, синтаксически сложнейший текст тридцать восьмого Слова. Просто диву даешься, как они сумели так искусно и убедительно пробиться сквозь непроходимую, казалось бы, чашобу религиозных, мировоззренческих умопостроений трактата, который, прежде чем перевести на русский язык, надо было сначала грамотно и доходчиво изложить для себя по-казахски, одолевая нагромождения арабизмов и фраз из священных мусульманских писаний.

Конечно, при дотошном, въедливом сопоставлении обнаруживаются и отдельные «блошки», которые нетрудно устранить при переиздании «Книг Слов». Иногда, скажем, опущено незначительное вроде словечко, или чуть изменена интонация, или вопросительное предложение прозвучало утвердительно, или фраза лишилась какого-нибудь оттенка — сарказма, горького юмора, усмешки, а то, кажется, короткую абаевскую сентенцию можно выразить еще короче, точнее и сочнее. В пространной внутренней рецензии я старался указать на эти места.

В «Слове шестом» Абай приводит казахскую пословицу:

«Өнер алды — бірлік, ырыс алды — тірлік». И вот переводы.

Шкловский:

«Начало умения — в объединении. Начало достатков — в труде».

Санбаев:

«Начало искусства — в единении, начало достатка — в жизни».

Серикбаева и Сейсенбаев:

«Начало успеха — единство, основа достатка — жизнь»

Вывод очевиден: каждый перевод в чем-то недотя-

гивает. «Тірлік» в данном контексте не только «жизнь». «Өнер» здесь не только «искусство».

Я бы осмелился привести здесь и свой вариант:

«Успех - в единстве, достаток – в труде». Или:

«Успех – в согласии, благо – в труде».

Перевод – творчество. А в творчестве совершенство безгранично.

Повторяю: труд проделан переводчиками «Книги Слов» огромный, старательный, добросовестный. Данный перевод достойно воспроизводит все смысловые, стилистические, интонационные особенности прозы Абая.

Может, еще лет через двадцать-тридцать найдется переводчик, который предложит более глубокую и выразительную версию. Можно только уповать на то, что и на другие языки «Книга Слов» будет переведена адекватно.

1993

НА ПУТИ К НЕМЕЦКОМУ АБАЮ

I

Сколько написано статей и произнесено слов о том, что Абай до сих пор звучит в переводах неадекватно! И я о том писал не раз, обстоятельно анализировал разные переводы, даже объяснял, почему именно трудно переводить Абая, в чем тут причина и какие могут быть тут пути-выходы. И книг с переводами Абая составил в разное время немало. Был инициатором того, чтобы в сборниках Абая одно и то же стихотворение его давалось в разных переводах, дабы читатель мог сравнивать, сопоставлять, анализировать, «постигнуть суть», как сам призывал Поэт. Более того, для двуязычных я предлагал непременно приводить и оригинал. Таких сборников существует уже несколько. По этому пути пошел и переводчик Марат Адипбаев, подготовив своеобразную книгу «Двадцать стихотворений Абая», в которую, помимо других на его взгляд удачных переводов, он дерзнул включить и собственные переводы. Такой путь мне кажется наиболее оптимальным в постижении поэзии Абая.

Однако в данной статье мне хочется поговорить не о русском Абае, а о немецком. Абая на русский язык переводят уже давно, и переводчиков его существует не один десяток, а вот Абай для немецкого читателя пока что terra incognita. Немецкий народ имеет представ-

ление о великом казахском поэте и мыслителе главным образом по «Пути Абая» Мухтара Ауэзова, изданном на заре ГДР, и кратким статьям в энциклопедических словарях. И хотя наши доброхоты и донкихоты, как, например, писатель Калмухан Исабай, усиленно пропагандируют Абая в Германии, используя для этого все мыслимые и немыслимые возможности и обстоятельства, и даже добились того, чтобы в Берлине появилась улица имени Абая, однако само творчество казахского классика, переводившего через Лермонтова гетевского «Wanderer's Nachtlied», до сих пор немецкому читателю крайне мало или почти неизвестно. То, что переведено на немецкий язык, - факт спорадический. И, кажется, ни одно стихотворение Абая на немецкий язык не переведено непосредственно с оригинала. Все имеющиеся переводы сделаны с русского. Следовательно, переводческие изъяны на русском волей-неволей отражаются и на немецком, ибо скрупулезные и дотошные немцы переводят по обыкновению весьма точно, стараясь максимально соблюдать и содержание и форму того, с чего переводят, следуя аккуратно и честно всем его внешним признакам, стремясь, насколько возможно, избегать какой-либо отсебятины и вольности. Уповаю на время, когда родится переводчик, способный адекватно передать Абая на языке Гете прямо с оригинала, что в настоящее время и представить мудрено.

II

Спрашивается: «Что переведено из Абая на немецкий язык к настоящему времени?». Вот что мне доподлинно известно:

В 1976 году Герберт Генке издал в Алма-Ате антологию казахской поэзии на немецком языке под названием «Rhythmen der Steppe». В этот сборник вошли два стихотворения Абая: «Des Mädchens Antwort» (пер. S. Österreicher). Потом, после долгих лет, в 1993 г. в альманахе «Феникс» (№ 2) были опубликованы три сти-

хотворения Абая - «Schmetterling», «Das sind die Jungen, das Ende der Welt» и «Auf den Bazar, wie ich sehe, jeder führt hin» в переводе лужичанки Розы (Руже) Домашинной. Помню, эти переводы принес мне поэт Кайрат Бакбергенов, равнодушный к немецкой поэзии и многие годы поддерживающий творческие контакты с сорбами. Домашина в примечании оговорила: перевод осуществлен при участии Кайрата. От имени редакции альманаха я предпослал этой подборке предисловие, в котором, в частности, сказал: «Не будем вдаваться здесь в обстоятельный филологический анализ переводов (как русского, так и немецкого), дабы не выявлять - как выразился сам Абай - «огрехов, видных на каждом шагу». Речь идет о самом культурологическом факте, духовном стремлении, порыве, об опыте постижения Абая. А чтобы гипотетический читатель имел возможность судить о переводе, сопоставлять и анализировать, мы посчитали целесообразным привести и оригинал, и его русское переложение. Первое стихотворение в оригинале называется «Тоты құс түсті көбелек» (в пер. М. Петровых «Мотыльки, чей светел наряд»), второе - «Заман акыр жастары» (в пер. А. Арго «Погляди на молодежь»), третье - «Базарға, карап тұрсам, әркім барар» (в пер. Л. Шифферс «Каждый за товаром едет на базар»). Переводы Р. Домашинной оставляют двойственное впечатление. Они лишены рифмы, передают лишь буквальный смысл, и тем самым больше похожи на подстрочный перевод русского текста. Получилось то, что казахи называют «бір қайнауы ішінде», т.е. «нечто еще недоваренное», «то, что нуждается еще в одной варке». Это еще не художественный перевод, а, скорее, проба, опыт, переклад.

То же примерно я могу сказать о переводах трех стихотворений Абая, осуществленных гражданином Германии Tomaso'm Kemann'ом, «Der Jünglings Worte», «Der Sommer», «Ich bin enttäuscht». Они опубликованы в журнале «Абай» (№ 10/94). Удачными я эти переводы не назвал бы. Переводчик рабски следовал русскому тексту, не чувствуя, не ощущая достоинства оригина-

ла. Если Лев Толстой считал перевод «изнанкой ковра», то здесь мы имеем дело с изнанкой изнанки. Отдаленная тень есть, но и только.

Накануне 150-летия со дня рождения Абая, известный казахский прозаик, президент Казахского ПЕН-клуба Абдиджамил Нурпеисов пригласил в Алматы выдающегося русского поэта Михаила Дудина. И тот по моим подстрочникам перевел на русский язык 34 стихотворения Абая. По его переводам по моей просьбе Герберт Генке «онемечил» пять стихотворений, и я их на трех языках опубликовал в газете «Deutsche Allgemeine Zeitung», журнале «Абай» (№ 12/94) и альманахе «Феникс» (№ 10/95). Вот эти стихотворения в немецком названии: «Der Liebe Sprache ist Gefühl», «Mitunter wird das Herz wie toll», «Bin erniedrigt und verlacht», «Werden blaß und werden rot», «Wenn ich sterbe...».

В этих переводах тональность, ритмомелодика оригинала прочувствованы и уловлены. В них в определенной степени присутствует дыхание Абая. В соотносительности с русским текстом находится и перевод стихотворений Абая «Du bist meiner Augen Kraft», «Schwer bedrückt ist mein Gemüt», выполненный Гербертом Генке (DAZ, 3.06.95).

В 2001 году в Алматы вышла на немецком языке проза Абая «Buch der Worte» в переводе Ларисы Захаровой и фрайтага (псевдоним театрального деятеля из Германии). До того этот перевод был опубликован в альманахе «Феникс» (№№ 13, 14, 15, 16 за 1996г.).

И это, думаю, все, что мы имеем из переводов Абая на немецком языке. По крайней мере все, что мне известно.

Неожиданным было для меня подключение к переводу Абая старого знакомого, переводчика, критика, издателя, эссеиста, давнего друга казахской литературы, берлинца Леонарда Кошута. Вот об этом, собственно, и речь.

III

А было так.

В 2003 году Исполком Казахского ПЕН-клуба принял решение о присуждении своей премии гражданину Германии Леонарду Кошуту за выдающийся вклад в пропаганду казахской литературы и развитие творческих контактов. Решение было справедливым и единодушным. Популярность Л. Кошута в литературной среде стран бывшего СССР велика. У него в СНГ много верных и искренних друзей. В начале мая 2003 года Лео (так его все зовут) прилетел в Алматы. Это был его восьмой приезд в Казахстан. Был он в добром расположении духа, общителен, улыбочив, активен, общался с друзьями, выступил с обстоятельной речью на торжественной церемонии вручения премии Казахского ПЕН-клуба, ходил по городу, фотографировал, в День Победы посетил парк, постоял у Вечного огня, давал интервью, бывал в гостях. Я преподнес ему несколько своих книг, а среди них и «Buch der Worte» Абая. Подписал я это издание шутливо: «Ну, должен же быть у казахстанца Лео Кошута Абай. Иначе Лео не поймет казахов, а Абай - Лео. А это было бы досадным недоразумением. Герольд. 07.05.03».

Слова эти потом Лео Кошут поставил эпиграфом в письме ко мне. В том письме из Прендена (20.09.03) он писал: «Я, конечно, внимательно отнесся к такому посвящению в подаренной мне Вами книге и внимательно ее прочел. А теперь надо проверить, насколько я из нее извлек способность «понять казахов» (да еще самого Абая). Прилагаю к письму две попытки перевести стихотворения Абая. Пришлось, к сожалению, исходить из русских переводов. Пожалуйста, проверьте, насколько мои тексты соответствуют казахским оригиналам. Я специально прилагаю тексты в двух экземплярах, чтобы Вы могли на одном сурово и без скидок написать Ваши критические заметки и прислать их ко мне. До абсолютного соответствия все равно не дойти. Но я хотел бы, редактируя свои переводы, знать, к чему надо стремиться. Будь я моложе, то я поставил

бы себе задачу перевести побольше. А так я, в крайнем случае переведу еще одно стихотворение и в таком случае тоже пришло, исходя из немецкой пословицы «Alle guten Dinge sind drei».

Первое стихотворение, которое перевел Кошут, называется у Абая: «Ғашықтың тілі - тілсіз тіл». Вот как оно звучит в оригинале:

- Ғашықтың тілі - тілсіз тіл,
Көзбен көр де, ішпен біл.
Сүйісер жастар кате етпес,
Мейлін илан, мейлін күл.

Ол тілге едім ондайлы
Қаріпсіз біліп сондайды.
Біліп-ак, ұғып қоюшы ек,
Енді ішіме қонбайды.

Милая лирическая миниатюра с игривой, исповедальной концовкой. Традиционный семи-восьми-сложник с формой рифмовки ааба. Приведу для сравнения два перевода этой миниатюры на русский язык, дабы читателю все стало понятней.

Перевод Ю. Нейман

Язык любви - язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка —
Его основа из основ.

Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значенье -
Увы! - давно уж под замком.

Перевод М. Дудина

Язык любви живет без слова.
В нем полужест и полувзгляд -
Незаменимая основа
Двух объяснений наугад.

Как были тайные созданы
Нам этой азбуки важны
Теперь, увы, ее познанья
Мне, к сожаленью, не нужны.

Положа руку на сердце: перевод Юлии Нейман мне кажется предпочтительней. Он ближе к оригиналу по содержанию, по лексике, по мелодике, легкости и изяществу, по форму рифмовки. Видимо, не зная оригинала, Лео Кошут каким-то образом это почувствовал и при переводе миниатюры на немецкий язык руководствовался именно вариантом Нейман, хотя ему был знаком и вариант Дудина.

И что же получилось?

Der Liebe Sprache braucht kein Wort -
Nur das Gefühl, der Herzen Schlag:
Ein Blinken hier, ein Lächeln dort
Genügt - und alles ist gesagt.

Einst hab ich diese Sprache gut -
Ja, zur Vollkommenheit - beherrscht.
Doch ist für mich ihr Wörterbuch
Schon längst wie durch ein Schloß versperrt.

По-моему, получилось мило, прочувствовано, адекватно. Дыхание, мелодика, ритм, размер вполне созвучны с оригиналом. Следуя русскому тексту, немецкий переводчик сумел услышать оригинал, передать интонацию, настрой стихотворения. А это, согласитесь, главное. Что касается лексической близости, то она очевидна. Конечно, переводчик прибег к перекрестной рифме, ибо загнать семи-восьмисложную строфу в рифму ааба по-немецки представляется невозможным. Можно придаться к неполному созвучию рифм «gut» - «buch», «beherrscht» - «versperrt», но такова природа немецкого языка. На рифмы немецкий язык, в отличие от казахского, не очень-то богат, что признано многими немецкими поэтами.

На мой взгляд перевод Л. Кошута вполне состоялся и приемлем. Я ему так и написал.

IV

Второе стихотворение Абая, переведенное Кошутым, очень сложное, исповедальное, программное.

В этом стихотворении, написанном за несколько лет до кончины, Абай как бы подытоживал свою полную борьбу и жестоких тяжб жизнь, обратился к потомкам, раскрыл свою душу и сердце, исповедовался перед временем. Об этом, совершенно потрясающем по эмоциональному заряду стихотворении Абая я написал этюд «Исповедь поэтов», где я сравниваю и анализирую «Когда умру, не стану ли землей» Абая в контексте с «Eхегі Monumentum» Горация, «Памятником» Державина и Пушкина, «Vergmächtnis» Гете, ибо эти итоговые шедевры гениев разных народов очевидно перекликаются духовно.

Считаю нужным привести здесь оригинал в полном объеме.

- Өлсем, орным кара жер, сыз болмай ма?
Өткір тіл бір ұялшак кыз болмай ма?
Махаббат, ғадауатпен майдандасқан,
Қайран менің жүрегім мұз болмай ма?

Амалсыз тағдыр бір күн кез болмай ма?
Біреуге жай, біреуге тез болмай ма?
Асау жүрек аяғын шалыс басқан
Жерін тауып артқыға сөз болмай ма?

Сонда жауап бере алман мен бишара,
Сіздерге еркін тиер, байқап кара.
Екі күймек бір жанға әділет пе?
Қаны кара бір жанмын, жаны жара.

Жүрегімнің түбіне терен бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла,

Соктыкпалы, сокпаксыз жерде өстім,
Мынмен жалғыз алыстым, кінә койма!

Жасымда албырт өстім, ойдан жырак,
Айлаға, ашуға да жақтым шырак,
Ерте ояндым, ойландым, жете алмадым,
Етекбасты көп көрдім елден бірак.

Ой кіргелі тимеді ерік өзіме,
Сандалмамен күн кешкен түспе ізіме,
Өзі ермей, ерік бермей, жұрт қор етті,
Сен есірке, тыныш ұйықтат, бак сөзіме!

Ішім - толған у мен өрт, сыртым дүрдей,
Мен келмеске кетермін түк өндірмей,
Өлен шіркін - өсекші, жұртқа жаяр,
Сырымды тоқтатайын айта бермей.

Очень насыщенное, плотное по смыслу и эмоциональному накалу стихотворение. Каждая строчка полна скорби, печали, гордости, достоинства, внутренней силы и убеждения. О каждой строфе можно написать развернутый трактат. И опять считаю целесообразным привести два перевода на русский язык. Вот как прозвучало это стихотворение в переложении Юлии Нейман:

- Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий - девушкой немой?
Бездушным льдом - пылающее сердце,
Что за любовь боролась с жизнью злой?..

Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди! Меж нами - немоты стена,
Суди, но помни: пусть страшна вина, -
За грех один карать не нужно дважды,
А я, живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я - человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог... не обессудь!

Задирую в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне... Никто мне не помог.
Свободы я не знал... Спаси вас Бог
От этой доли... Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одиноч!

Мое довольство - призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено!..
Но каяться в стихах - не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.

Прежде чем подробнее поговорить о достоинствах
этого перевода, обращаю внимание читателя на вариант
Дудина. Думаю, это любопытно.

- Умру и стану вновь землей.
И мой язык насмешкой злой
Не тронет ледяным коварством
Сердец, обиженных судьбой.

Но рок судьбы нагрянет в срок
На твой порог и мой порок
И пересудит все ошибки
На перекрестках всех дорог.

Я, бедолага, в том кругу,
На том открытом берегу
За все, что не было и было,
Ответить дважды не смогу.

Ты в глубину мою взгляни,
В мои загадочные дни.

Там ныне светят всем, запомни,
Оставленные мной огни.

Я рос, и мой упрямый пыл
Костры в седой ночи полил
И путеводною звездой
Проводникам в дороге был.

Я там с собою принял бой
Своею болью и судьбой.
А за беду и униженья,
Потомок, сжался надо мной.

Нутро мое - огонь и яд,
В нем все терзанья догорят.
А песня - сплетница-чертовка -
Все миру выложит подряд.

Присмотримся внимательнее к этим переводам. Абай очень любил вопросительные конструкции. Вопросы его часто риторические (их особенно много в философской прозе). Абай не любил говорить в лоб, категорически, он постоянно сомневается, задает вопросы себе и читателю, ищет правду, взывает истину. Он не говорит: «Умру и стану я землей», он как бы спрашивает: «Если я умру, не станет ли мне местом мать-сыра земля?». Он не утверждает: «Не тронет ледяным коварством сердец, обиженных судьбой». Нет, он опять-таки спрашивает: «Бедное мое сердце в борении любви и подлости не станет ли льдом?». Не говорит Абай: «Но рок судьбы нагрянет в срок». Он опять-таки спрашивает: «Не встретится ли однажды неизбежная судьба»? Он не говорит так мудренно-изысканно-вычурно: «На твой порог и мой порок». Он просто делится с читателем-собеседником: «К кому-то рано, к кому-то поздно придет тот последний срок?».

Вот еще ударные абаевские строки в этом своеобразном завещании:

«Я - человек с загадкой, помни это!»

«Я с тысячью один боролся, не вини меня»

«За мной не следовали, воли не дали, унижали»

«Уйду в небытие, ничего не совершив»

«Я внешне лишь мастак, внутри - огонь и яд»

Стихи в оригинале написаны традиционным казахским одиннадцатисложником с рифмой ааба. Дыхание размеренное, тональность раздумчивая, поступь тяжелая, слова весомые. Поэт серьезно беседует со своими потомками, призывает: «Не обессудь меня, пойми, участь моя была тяжкая. Я рос в борьбе, в одиночестве. Я рано проснулся, был пылок, но меня не поняли, не поддержали». Вот прозаический смысл стиха. Но в конце, как бы смутившись своей откровенностью, поэт спохватывается и обрывает свою доверительную исповедь, понимая, что стихи-сплетница, оглашающая твою тайну.

После сказанного прошу читателя еще раз прочитать переводы Нейман и Дудина и самому сделать кое-какие выводы. Я лично не умаляю поэтические находки и версификационную игру Дудина, но мне больше импонирует переложение Нейман, ибо она наиболее точно уловила дух стихотворения и убедительно передала его ритмомелодику, да и лексически она максимально точна. Дудин несколько вольничает, переиначил ритм, допускает эффектные поэтические фигуры, украшает текст, чего ясный, мудрый, открытый Абай не жаловал. Видимо, инстинктивно и Кошут это почувствовал. Он опять-таки пошел по следам Юлии Нейман. И, полагаю, это было верное решение.

Вот что у него получилось:

Werd ich zu Erde, wenn der Tod mich rafft?
Verstummt die scharfe Zunge mädchenhaft?
Erstarrt zu Eis mein Herz, da es in Fehden
voll Haß und Liebe focht mit aller Kraft?

Wird gar zu meinem letzten dieses Jahr?
Ob früh, ob spät - der Schluß kommt ungefragt.
Verurteilst du mein Scheitern, später Enkel
Weil ich dem kecken Herzen oft erlag?

Nur zu! Uns trennt des Todes tiefer Fluß.
Bin ich auch unklärbarer Schuld bewußt -
Kein Mensch verdient, daß man ihn zweimal strafe.
Ich aber hab im Leben schon gebüßt.

Ach, faß nur meines Herzens bittres Leid!
Welch Rätsel ist es nur, das mich umtreibt?
Zum Mann gereift auf unwirtlichen Wegen,
stellt ich mich einsam Tausenden im Streit.

Aufzubegehren, kam ich in die Welt -
Im Kampf zu List und zu Gewalt bereit.
Ward mit der Zeit erwachsener und klüger
Und reife doch nicht zu Vollkommenheit.

Auf mich allein gestellt, fand ich nur Spott
Und blieb doch ungebeugt... Bewahr uns Gott
Vor solchem Los... Bemitleide, mein Enkel,
Den, der so arm und einsam aß sein Brot.

Von Glut und Wut verzehrt, fühl ich mich Leer
Daß ich nicht mehr erreichte, drückt mich schwer.
Was aber nützt es, im Gedicht zu klagen:
In Versen bleibt es kein Geheimnis mehr.

«Браво, Лео!» - невольно вырвалось у меня. Я удивился: как он сумел, пройдя через все лексические, стилевые, версификационные сложности и преграды так ловко «онемечить» Абая. Если уж совсем уподобиться «Flohknacker'у» («ушесмителю блох»), то можно разве что придраться к некоторым рифмам, которые по-немецки называются «unrein» («нечистые», «недостаточно созвучные»). Но это вполне в природе немецкого стихосложения.

Я выразил в письме свое отношение к этим переводам, и Лео Кошут ответил так (16.12.03): «Мне, конечно, приятны Ваши оценки моих переводов Абая. Нейман я предпочитаю за ее явную текстуальную точность. Там, где вместо дословности являются метафоры, трудно понять, насколько они соответствуют оригиналу, а насколько они - слишком свободная интерпретация. А рифмы я сознательно предпочел «unrein». Они такие - назовем их Assonanzengeime - определяют вообще тенденцию в немецкой современной поэзии. За несколько столетий чистые рифмы настолько «изношены», что эти рифмы-слова теряют всякий вес (будто вообще там слова нет). Это, конечно, не обозначает «зеленую» дорогу для переводчика, заменять рифмы чем попадетсся».

Сказано, по-моему, убедительно и резонно. Таков переводческий штандпункт Лео Кошута.

V

Перевод третьего стихотворения пришел из Берлина некоторое время спустя. На этот раз это было любовно-пейзажное стихотворение Абая «Желсіз түнде жарык ай». В русском переводе оно известно под названием «Темной ночью при луне» (в буквальном переводе «Ясная луна в безветренной ночи»). Опять напомним оригинал:

Желсіз түнде жарык ай,
Сәулесі суда дірілдеп.
Ауылдың жаны терен сай,
Тасыған өзен күрілдеп.

Қалын ағаш жапырағы
Сыбырласып өзді-өзі.
Көрінбей жердін топырағы,
Құлпырған жасыл жер жүзі.

Тау жаңгырып, эн косып
Үрген ит пен айтакка.
Келмеп пе едін жол тосып
Жолығуға аулакка?

Таймандамай тамылжып,
Бір суынып, бір ісіп.
Дем ала алмай дамыл кып,
Елен қағып, бос шошып.

Сөз айта алмай бөгеліп,
Дүрсіл қағып жүрегі.
Тұрмап па едін сүйеніп,
Тамакка кіріп иегі?

Всмотримся, вслушаемся: семи-восьмисложник с перекрестной рифмой абаб. Доверительная, вопросительно-утвердительная интонация, столь свойственная Абаю. Он не сообщает: «На свиданье, за аул приходила ты ко мне», а как бы спрашивает, напоминая: «Разве не приходила ты ко мне, чтоб встретиться наедине?» Не говорит: «Ты прильнула ко мне, уткнувшись подбородком в грудь», а спрашивает о том: «Разве не прижалась ты ко мне в грудь, уткнувшись подбородком?» Прекрасная лирическая зарисовка с точными деталями кочевой жизни, запоминающимися пейзажными мазками.

Вот как стихотворение звучит в переводе Юлии Нейман по-русски:

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.

Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.

Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.

И отважна, и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалика,
Дух с трудом переводя.

Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

На мой взгляд, вполне удачный перевод. И лексически все приемлемо, и ритмомелодика воспроизведена, и тональность созвучна, и размер соблюден. Что же еще надо?

Вот этому тексту и следовал мой германский друг и коллега Лео Кошут при переложении стихотворения на немецкий язык.

Mondlicht überglänzt die Nacht,
Bebt im Wasser-Spiegelbild.
Liegt das Dorf auch längst im Schlaf,
Rauscht des Flusses Wirbelspiel.

Dunkles Grim verhüllt das Land.
Undurchdringlich steht der Wald.
Raschelnd führt sein Blattgewand
Zwiegespräche sender Zahl.

In den Bergen widerhalln
Hundebellen, Hirtenschrei.
Hinterm Dorf- zum ersten Mal! -
harrt ich dein zum Stelldichein.

Künn warst du trotz scheuer Scham
- fast ein Kind, so zauberhaft -,
als du fernher zu mir kamst,
atemlos vom schnellen Lauf.

Jedes Wort war hier zu viel.
Ach, mein Herz war heiß entflammt,
Als du um den Hals mir fielst,
Stumm dein Mund den meinen fand.

Кошут следовал за русским текстом старательно и бережно, аккуратно и нежно, но при этом странным образом еще больше приблизился к Абаю. Например, «урген ит» отсутствует в русском переводе (там «крик пастуший в тишине»), у Кошута появилось «Hundebellen» («лай собак»), и мне невдомек: «Кто ему эту деталь подсказал? Или сам почувствовал, вообразил?»

Я написал Кошуту: перевод вполне приемлем. Некоторые рифмы немного ungenügend, но то же мы встречаем и у Абая («бір ысып - бос шошып», «өзді-өзі - жер жүзі»), хотя казахские поэты по части рифмовки дают фору западной поэзии. А вот «Dogf» меня настораживает, режет слух. Речь идет об ауле, но это ведь не совсем Dogf. А как быть? Не знаю.

Напишешь «Aul» - придется дать обстоятельную этнографическую справку немецкому читателю, а это убивает поэзию. Так что, видно, придется смириться с Dogf'ом. А больше мне придаться не к чему.

Кошут ответил:

«Aul» - сложное дело. Я, конечно, не мог в той строфе написать «Liegt auch der Aul im Schlaf», но немецкий читатель этого без примечания не поймет. А примечание - смерть для восприятия поэзии. Это поняли бы еще в ГДР, где казахская литература распространялась сравнительно интенсивно и большими тиражами. Но ГДР уже 13 лет нет, а в ФРГ даже дикторы радио и телевидения английские фамилии произносят блестяще, а «восточные» — русские, казахские,

грузинские фамилии — обязательно исковеркают и произнесут их с неправильным ударением. Даже Айтматова — на западе довольно известного — произносят Aimatoff. Так что, по-моему, лучше уж быть не совсем точным по отношению к аулу. В рецензии на Ваш роман я написал: «Siedlungen». Это уже слишком неопределенно, но все же применимо. Но для стихотворения совсем не годится».

Разумеется, Кошут прав. О чем тут спорить?

VI

Видно, Абай всерьез заинтересовал переводчика Кошута. Он хотел в лучшем случае перевести три стихотворения. А недавно прислал мне на Gutbeachtung еще один перевод.

В письме (07.05.04) он сообщает:

«На Лейпцигской книжной ярмарке я поговорил с издателем журнала «die horen» о возможной публикации в связи со столетием смерти Абая. Тот такую возможность к концу года не исключал (а выходит его журнал два раза в год). Но на посылку информационного материала он пока не откликнулся. Подожду еще немного, а потом обращусь и к другим. Литературно-политических журналов у нас, правда, немного.

Я тем временем перевел еще одно стихотворение Абая, о котором уже давно думал. Пожалуй, два или три года назад я в одной статье использовал из него даже одну строчку. Прилагаю Вам результат стараний. Они на этот раз оказались особенно трудными, особенно в третьей строфе. Исходным русским текстом был перевод А. Гатова. Буду ждать Вашего приговора»

По немецкому переводу я сразу вспомнил оригинал:

Жапырағы куарған ескі үмітпен
Киял кып өмір сүріп, бос жүріппін.

Жыбыр қағып, көнілді тыншытпайды,
Кашанғы өтіп кеткен бұлдыр көп күн.

Ол дәурен өмір емес, бір көрген түс,
Ойға тойма, қызықты қиялдан құс.
Карашы, өз бойында түгел ме екен,
Ыстық жүрек, өн-шырай, қуат пен күш?

Төнкеріліп құбылған жұрт - бір сағым,
Шынға шыдап, коса алмас ынтымағын
Көптің аузын күзетсең, күн көрмейсің,
Өзіңді өзін күзет, кел, шырағым.

Одно из характерных произведений зрелого Абая, человека, много повидавшего, передумавшего, настойчиво размышляющего о жизни, о прошедшем. Элегический настрой, печаль, раздумье, скепсис, горечь. Традиционный казахский одиннадцатисложник с рифмой ааба. Вопросительно-утвердительная интонация.

Не знаю, перевел ли, кроме А. Гатова, это стихотворение кто-нибудь еще. Мне известен только его перевод.

Я надеялся - листья надежды желты.
Я так долго мечтал - обманули мечты.
Сердцу тяжело, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.

То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце жар - и лицо румянил ли он?

Как миражам степным, людям верить нельзя.
Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Лгут, лукавят: заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!

Надо учитывать задачи, стоящие перед переводчиком. Он обязан воспроизвести не только содержание,

смысл оригинала на другом языке, но дух его, форму, интонацию, загнать строки в определенный размер, находить приемлемые рифмы, «пристегнуть» стержневую мысль к организующей рифме и т.д. Это очень сложно. Чаще всего невозможно. И А. Гатов, думаю, сделал максимум, обойдясь совершенно незначительными потерями. У меня не поднимается рука придраться к чему-либо. За ним с немецкой дотошностью следовал его германский коллега.

All mem Hoffen vertan, seine Blätter vergilbt.
Was ich immer erhofft - nichts hat sich erfüllt.
Fast erdrückt es mem Herz, ersteht meinem Blick
Der vergangenen Zeit vielversprechendes Bild.

Nicht das Leben verflog - nur ein flüchtiger Traum.
Hätt ich lieber gelebt, statt auf Träume zu baun.
Jeder sieht's: Keine Kraft mehr hab ich im Arm,
Auch mem Herz ist verglüht, selbst die Sonne
wärmt kaum.

Steppen-Luftbildern gleicht vieler Mitmenschen Wort
Lug und Trug bieten sie einen schandlichen Hort,
Abhold Frieden und Treu sinnen sie nur auf Streit.
All dies, Freunde, bedenkt, wenn ihr euch um sie sorgt.

Смысл, дух абаевского стихотворения передан адекватно, все формальные признаки воспроизведены средствами немецкого языка, дыхание, поступь стиха выдержаны, оригинал и переводы звучат в унисон. А сохранить форму рифмовки (ааба) по-немецки архи-сложно. Кошут справился и с этой задачей. Словом, в лице Леонарда Коршута Абай через годы и расстояния нашел понятливого, вдумчивого, чуткого сердцем и душой собеседника и интерпретатора. И это меня радует больше всего. И я втайне думаю: а может, Кошут расщедрится еще на пару-другую переводов из Абая?

С творчеством Абая я знаком с четвертого класса аульной школы. Оно меня сопровождает на всех эта-

пах жизни. Об Абае я издал три книжки, написал десятка два статей и эссе, делал подстрочные переводы его стихов, составил несколько книг-сборников на русском и казахском языках, выступал с докладами на разных конференциях. И самая большая моя мечта - составить сборничек стихов Абая на немецком языке. Может, доживу и до этого?

17-19 мая 2004 г.
«Amanat», №6/2004

АБАЙ В ГЕРМАНСКОМ ЖУРНАЛЕ

Знакомый издатель, критик и переводчик, лауреат премии Казахского ПЕН-клуба Леонгард Кошут (Берлин) прислал мне любопытное издание – журнал «die hogen» (именно так, с маленькой буквы) – Zeitschrift für Literatur, Kunst und Kritik. Журнал издается в Ганновере с 1955 года. Выходит раз в квартал. Прекрасная бумага. Великолепный дизайн. Четкий шрифт. Содержание богатое, разнообразное: литература, искусство, критика, переводы, литературные портреты, обзоры, сообщения, короткие рецензии-аннотации о новых изданиях, обстоятельные сведения об авторах, реклама, иллюстрации, фотографии. Все подано со вкусом. Приятно держать журнал в руках, неторопливо полистать его, почитать, получить широкую информацию.

По структуре, композиции, отбору и подаче материалов, по стилистике «die hogen» напоминает наш казахстанский «Amanat», хотя последний и намного моложе первого. «die hogen» знакомит немецкого читателя с лучшими образцами мировой литературы, рассматривает литературу народов мира как единый процесс культуры и творческого духа.

В журнале под порядковым номером 216 мое внимание привлекли переводы стихотворений 13 польских поэтов (составление и комментарий Петра Зоммера), 9 литовских поэтов (составление и комментарий Евгени-

уса Алашанки), а также переводы стихов самого составителя, русского поэта Николая Кононова, еще десятка поэтов, (и тут поневоле думаешь о том, что вопреки расхожего мнения о якобы безразличии немецкого читателя к поэзии именно ей отводится в журнале много места), статьи о творческом пути Франца Фюмана (лет двадцать назад, помню, его охотно переводили в Советском Союзе), Ганса Магнуса Энценбергера (также широко известного читателям моего поколения), Эразмуса Шефера (философа, поэта, драматурга), Юргена Хайзе (поэта и эссеиста), большое количество коротких рецензий, дающих представление о книгах разноязычных писателей.

Но особенно обрадовал меня журнал тем, что в нем я обнаружил перевод трех стихотворений Абая, блистательно осуществленный Лео Кошутом, его же короткую вступительную заметку и перевод моего эссе «Духовное созвучие: Гете и Абай».

Немецкий читатель плохо знает творчество Абая. Казахский поэт ему больше знаком по романам М.О.Ауэзова, изданным в ГДР еще в 1961 году.

В последний свой приезд в Казахстан (2003 г.) Лео Кошут всерьез заинтересовался Абаем, обрел в Алматы несколько его книг, проникся духом моих писаний (в частности «Гете и Абай») и рискнул озвучить по-немецки четыре его стихотворения, что ему великолепно удалось. Об этих переводах я написал пространную статью в «Аманате», (№ 6/2004).

Приятно, что стихотворения Абая и заметки о нем прозвучали в солидном германском журнале.

1.02.05.

ЕЩЕ ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ АБАЯ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Изучением творчества Абая, сопоставительным анализом его переводов, пропагандой его поэзии и прозы я увлеченно занимаюсь уже многие годы. На эту тему я опубликовал три книжки – «Гете и Абай», «Земные избранники», «Созвучие» – и два десятка статей. Составил три сборника.

Давняя моя задумка – издать сборничек Абая на немецком языке. Ищу ответственных и талантливых переводчиков, делаю подстрочники, комментирую, корректирую, уповаю на других, так как сам напрочь лишен поэтического дара.

С «русским» Абаем в какой-то мере определились. За десятилетие многие талантливые поэты – кто через подстрочник, кто напрямик, непосредственно с оригинала – пытались воспроизвести не только общий смысл, содержание, но и форму, образный мир, дыхание, дух своего иноязычного собрата – философа-мыслителя, самобытного поэта-реформатора. И хотя критики и литературоведы, дотошные и придирчивые исследователи не без основания сетуют на то, что у нас, мол, до сих пор нет адекватного Абая на русском языке, все же, думаю, не годится, по-казахски выражаясь, обтирать рот сухой травой, то есть, слишком уж приbedняться. Конечно же, есть удачные попытки в переложении Абая на русский язык.

А вот с немецким Абаем дела обстоят пока что швах. Как по количественным, так и по качественным параметрам.

Напомню весь имеющийся опыт по этой части: в 1976 г. Герберт Генке перевел два стихотворения Абая (сб. «Rhythmen der Steppe»), одно стихотворение «онемечил» Зепп Эстеррайхер (в том же сборнике); в 1993 г. в альманахе «Феникс» (№ 2) я опубликовал в качестве опыта три стихотворения Абая в переложении лужичанки Розы (Руже) Домашинной; в журнале «Абай» (№ 10/94) увидели свет три стихотворения Абая в переводе филолога из Германии Томаса Кеманна; в канун 150-летия со дня рождения казахского классика Герберт Генке перевел еще пять абаевских стихотворений («Феникс» № 10/95).

В переводе Ларисы Захаровой и фрайтага (псевдоним театрального деятеля из Германии) вышла философская проза Абая «Buch der Worte» (1996). Четыре стихотворения Абая очень ответственно, блистательно, с соблюдением содержания и формы оригинала перевел на немецкий язык германский издатель, переводчик, критик и эссеист, давний друг казахской литературы, Лауреат премии Казахского ПЕН-клуба Лео Кошут, и о его переводах я написал обстоятельную, с казахскими, русскими, немецкими сопоставлениями статью «На пути к немецкому Абаю», опубликованную в журнале «Аманат» (№ 6/2004). О том же шла речь и в моей статье «Две строфы Абая» («Евразия», № 4/2005). Эти же переводы Лео Кошута обнародованы с моим коротким послесловием в германском журнале «die horen» (№ 4/2004).

Вот и вся немецкая «продукция» Абая на сегодняшний день.

Напомню также, что все эти переводы осуществлены через русский текст, а не с оригинала.

В этом году я отправил Лео Кошуту, с которым состою в переписке четверть века (если не больше), книгу «Двадцать стихотворений Абая» с оригиналом и вариациями русских переводов (составитель М.Адибаев)

с целью спровоцировать своего старшего друга на новые переводы. Кошут «клюнул». И вот недавно – после переписки, объяснений, уточнений – он прислал мне перевод еще одного очень сложного, философского стихотворения зрелого Абая. Речь идет о стихотворении Абая, которое в оригинале называется «Көк тұман – алдындағы келер заман» - «Грядущее скрыто туманом от нас». На русский язык это стихотворение перевели в разные годы В.Звягинцева, А.Штейнберг, А.Кодар, М.Адибаев. Подстрочный перевод когда-то сделал я. Кошут долго корпел над переводом. Создал 36 (!) варианта. Я предлагал ему более облегченный путь перевода: отказаться от традиционного казахского одиннадцатисложника, от формы рифмовки ААБА (несвойственной немецкому стихосложению), а прибегнуть к немецкому тоническому стиху с рифмовкой АБАБ или даже – АБВВ. Это вполне приемлемо для передачи оригинала. Но Кошут проявил упорство и принципиальность, соблюдая все формальные признаки казахского размера, ритмики и рифмовки. Конечно, это профессиональный подход, так сказать, высший пилотаж. На мой взгляд, он «выжал» из оригинала максимум возможного, перевел по-немецки не только суть, содержание, смысл, но и все нюансы стихотворной формы. Не стану вдаваться во все тонкости филологического анализа (это я при случае сделаю в узкоспециальной литературоведческой статье), а предложу вниманию читателей немецкий перевод сложнейшего стихотворения казахского гения.

Отмечу еще, что это стихотворение Абая написано в 1896 году, а опубликовано впервые в его сборнике, изданном в С-Петербурге в 1909 году. И вот спустя почти сто лет оно теперь зазвучало по-немецки, благодаря усилию и старанию нашего современника Лео Кошута.

Вот этот перевод:

Die Zukunft – sie liegt hinter graublauem Dunst
Beherrschte ich doch eines Hellsehers Kunst!

Hin hasten Tage, sie werden zu Jahren
vergeblich erhofften Visionen-Funds

Als glichen sie Träumen – die narren mich nur:
Auch von einstigen Zeiten blieb keine Spur.
Und jeglicher Tag kann mein letzter werden.
Nur Allah sieht weiter als diese Zäsur.

“Ich” sind Seele und Geist, das “Mein” ist der Leib –
Begriffe, deren jeder andres beschreibt.
Unsterblichkeit verleiht dem “Ich” das Schicksal.
Das “Mein” mag vergehen –ich flehe nicht: Bleib.

Ihr Herren, besticht euch nicht trotzdem das “Mein”-
als Werkzeug, euch fleischlicher Lust zu erfreuen?
Winkt dann erst das Grab, besinnt ihr euch gnädig,
für Recht, Zuverlässigkeit, Liebe zu sein.

Geschieht es, du erraffst als Hochstapler Vieh –
das Gewissen vergißt die Täuschungen nie.
Vielleicht schmähst das Volk in dir nicht den Lügner –
Das Leben verschlingt dich, wo jenes verzieht.

Kann auch sein, die endlose Welt nennst du “dein”,
was dir aber “dein” scheint – gehört IHM allein.
Flieht die Seele, verläßt sie Leib und Güter.
Also sag: Was verbleibt dir dann noch vom “Mein”?

Hilf dem Erniedrigten, sei Stütze für ihn,
stärk ihn, Lebensmut aus dem Dasein zu ziehn.
Selbst den Schöpfer rührt der Vielzahl Ergehen.
Lieb sie auch, SEINE Liebe lohnt dein Bemühn.

Nenn die Vielzahl nicht einförmig, sie ist bunt –
vielen Kötern trotz nicht der rassige Hund.
Der Mensch braucht Gerechtigkeit, Herzensgüte,
erweise ihn Hilfe – mit Allah im Bund.

Jeden prägt sein persönliches Element.
Schied ich immer Blender vom wahren Talent?
Die Angeber täuschen in seichem Wasser.
Nur Tiefe ist’s, die Schein von der Wahrheit trennt.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ЛЕО КОШУТОМ*

Берлин, 31.08.05

Дорогой Герольд!

...Прекрасно задумана книга «Двадцать стихотворений Абая» — тоже по крайней мере, с Вашим участием сделана. Она будто специально для меня издана (и для других таких, как я). Большое спасибо, спасибо и за письмо на «шмуцтителе» (как его по-русски назвать?). Но не обойтись без критической заметки: Единственный автор подстрочников, который сообщает данные о стихосложении (размере, стопах, рифмах) - Герольд Бельгер. Число слогов можно еще подсчитать (хоть ошибки возможны), а что касается *Versfüße*, то это требует обязательных знаний в произношении слов. Я не знаю, можно ли Вас просить о таких добавочных сообщениях, или могли бы Вы повлиять на то, чтобы кто-то из составителей это сделал. Я собирался уже помаленьку взяться за переводы, но этот изъян остановил мое рвение.

...Если бы «Международный клуб Абая» взялся за издание немецкой книги стихотворений Абая, это было бы здорово. Можно еще подумать, не было бы хорошо устроить копродукцию с немецким издателем, издать совместно двуязычную книгу — и, конечно, с предисловием Герольда Бельгера. Но сперва надо одо-

---

* Сохранена русская стилистика германского коллеги (Г.Б.)

леть проблемы поэтического перевода. А каковы эти проблемы, я читал в Вашей блестящей статье «Властитель – слово. Почему трудно переводить Абая?» (читал уже повторно, читал с большим интересом впервые в книге с переводами Дудина). Привет в связи с этой темой Роллану Сейсенбаеву. Одна его книжка здесь издана издательством «Дагиели», я ее читал.

Ваш Leo

***

Берлин, 26.11.05

Дорогой Герольд!

Спасибо за чуткую консультацию. И все же я взобрался на верблюда. А теперь хотелось бы узнать: Как глубоко я упал? Верблюд оказался огромным. Четыре недели я на него взбирался (конечно, при еще других делах). Начиная счет с первого полного наброска и печатая результаты каждой новой редакции у меня набрались 36 редакций – измененных то в деталях, то в целых строфах.

Стихотворение оказалось таким трудным, как это мне почти еще не встречалось. Были, правда, отдельные стихотворения, в которых оставались неодоленные детали годами (например «Парус» Лермонтова, в которых не поддавались как мне хотелось первые две строки первой и последние две третьей строфы; я приложу к письму несколько месяцев назад достигнутый результат – неопубликованный, - но не объясняя, чем он меня так долго мучил). Но Абая отложить на годы я не хотел.

Одной (пятой) строфы в подстрочнике не оказалось, как я понял в течении работы. (Возможно, издатели книги «Двадцать стихотворений Абая» не хотели пожертвовать еще третьей печатной страницей.) Мне помог подстрочником этой строфы один сотрудник посольства Казахстана, прибегая еще к помощи своей жены. А я при этом еще добавочно, понял какие труд-

ности представляет даже сама интерпретация оригинала. Не зря мой помощник дал два варианта («Дословно» и «Альтернативно») и добавил еще признание: «не знаю, удалось ли нам, но мы так его поняли!» Но что интерпретация трудна, я понял и до этого опыта.

А что касается взбирание на верблюда, то я — по Некрасову — «Мужик, что бык...» Я не последовал совету исходить из законов немецкой версификации, а старался — на сколько мои силы разрешают — создать перевод, который бы немецкому читателю разрешил услышать Абая и по смыслу и по форме. Хотя, конечно, звучания не только Абая, но и вообще казахской речи мне на немецком языке не передать. Таким образом, я сохранил и сквозную одиннадцатислоговую строку, и рифмовку ААБА, и не слишком поддавался единой (основанной на стопах и их числе) метрике — при некотором допуске акцентного стиха. Пришлось, конечно, искать родственные метафоры (при некоторой неизбежной вольности), но, не допуская ломку целостности стихотворения (целостного потока речи). При всем стремлении к адекватности оригиналу должна была все же получиться ПОЭЗИЯ и в немецком воспроизведении.

Это все я написал не для того, чтобы Вы о результате милостиво судили, а наоборот. Помогите мне своей критикой по лучшему довести Абая до немецкого читателя, без любых скидок в «угоду» переводчика. Для этого я опять прилагаю два экземпляра, один для возвращения с критическими замечаниями.

А вообще Вы в конце своего письма сами правильно охарактеризовали те трудности, которые меня ждут. А в Вашей приписке я присоединяюсь к признанию: «Планов всегда больше, чем физических возможностей.» Что же касается Бельгера в целом, то я надеюсь, что жюри в Потсдаме поймет, кто такой Герольд Бельгер и что он представляет в смысле немецко-казахских отношений в культуре.

Передайте привет уважаемой Рае, я передаю Вам привет от Шарлотты, обнимаю Вас, Лео.

***

Алматы 12.12.05.

Дорогой Лео!

Получил Ваш очередной перевод Абая.

Был сильно занят, потому лишь неделю спустя добрался до «Грядущего в сизом тумане».

Прочитал перевод раз пять. И вслух, и про себя. Облизал каждое словечко. Взвесил на ладони. Принюхался. Вслушивался в созвучия. Сравнивал строку за строкой с оригиналом. Облегченно вздохнул.

Хорошо представляю, сколько старания и прилежания это стоило – передать абаевский стих и философию по-немецки, соблюдая размер, мелодику и форму рифмовки.

Но старания Ваши увенчались успехом. На мой взгляд, все приемлемо, вполне адекватно, аккуратно, профессионально.

Если уж быть совсем занудой и придирой, то можно придаться к двум моментам.

а) Абай имел обыкновение вклинивать, вплетать в свою лексику нередко арабские (BZW. персидские, русские) слова. Скажем: «мағлұм» – жертва коварства. Первая строка шестой строфы: «Коварный мир человек считает своим». Или: «Ғадаләт» - справедливость, истина (В совр. каз. транскрипции «Әділет»). «Мархамат» – милосердие, добро, сострадание. У Вас это третья строка восьмой строфы: “Der Mensch brauch Gerechtigkeit, Herzengüte”. Правильно, конечно. Именно об этом и говорит Абай. Эти понятия – справедливость, милосердие – были и есть и в казахском языке, но Абай прибегнул к их арабскому звучанию и тем самым как бы приподнял, облагородил, возвысил речестрой, придал ему большую торжественность и значимость. И я подумал: может, есть какие-то древнегерманские, поэтически возвышенные, архаические слова, обозначающие эти Gerechtigkeit, Herzengüte? Может, они придали бы слогу иной вкус, более высокую тональность, некую торжественность и возвышенность? Помнится, Мухтар Ауэзов советовал первому переводчику «Евге-

ния Онегина» Ильясу Джансугурову переводить старославянские и древнерусские слова не современными казахскими понятиями, а также древними словами — арабизмами и фарсизмами или архаизмами.

Здесь примерно тот же случай. Разумеется, в немецкий текст нелепо пихать арабизмы и фарсизмы, но в качестве адекватата и колорита есть резон прибегнуть (если таковые есть) к древнегерманским словечкам. А, может, я не прав? Может, это просто теоретический посыл? Потому совсем не настаиваю, а размышляю вслух с германским коллегой.

б) Две последние строки у Абая звучат примерно так:

*Мелко плавают пройдохи, досаду вызывая,
А Истина и Вера обитают в глубине.*

У Вас мысль переведена верно.
- *Nur Tiefe ist's die Schein von der Wahrheit trennt.*

Совсем не возражаю. Однако у Абая истина и вера находятся рядом. Это суть его миропонимания. Но я бессилён вплести, вставить в строку «веру». Может, Вы изловчитесь? К Вам ведь Муза благоволит. Если и Вам это не удастся — не беда. И так достаточно ясно и верно.

Рад, что Вы одолели сей крутой перевал. И Абай (его Аруах-Дух) может быть Вами не только доволен, но и благодарен. А Ваш пятый по счету перевод лишь укрепляет мое давнее желание издать со временем книжку абаевских переводов на немецком языке. Я же пока написал небольшую статью о Вашем переводе местной “Deutsche Allgemeine Zeitung”, где и привожу полный немецкий текст с некоторыми комментариями.

Обнимаю Вас по-братски и
кланяюсь Шарлотте
Искренне Герольд

***

Берлин, 08.01.06

Дорогой Герольд!

Надеюсь, что Вы весело и при хорошем здоровье вступили в Новый год. Творческой продуктивности желать при ваших отчетах не решаюсь, они и так превосходят все представления. Главное, хватало бы и в дальнейшем сил.

Спасибо за Ваше письмо от 12 декабря, за добрые слова и полезные советы.

По поводу “**Die Zukunft...**”: Сложное дело — абаевские выделения определенных слов арабскими или персидскими заимствованиями. Древнегерманское прозвучало бы чуждо, даже если бы кандидаты нашлись и встроились. Все же именно названные Вами понятия в немецком лексиконе исходят из латыни. Но пока я приемлемых решений не нашел. Теперешние немцы выделяли бы такие понятия скорее по-английски (что тоже родственно латыни), и найти формально подходящих слов можно было бы, но это вряд ли подходит для Абая. Продолжаю думать. Одна цитата меня настрожила. Вы приводите первую строку шестой строфы: «**Коварный** мир человек считает своим». В Вашем же подстрочнике говорится об «изменчивом мире». Это производное от измены или от изменения? Это — если надо — исправить можно.

А веру я с истиной соединил и прилагаю новый вариант перевода. Я об этом уже до «опущения» веры долго старался, отказаться от веры во имя более нормального синтаксиса. Все же считаю найденное теперь решение и синтаксически приемлемым. Принимаете?

Прилагаю новый перевод: “**Von vierzig Flicken umfaßt...**” В этом стихотворении я долго не понимал суть четвертой строфы. Подстрочник передает ее смысл слишком обрывисто. Я советовался с Зигрид Клейнмихель, надеюсь, что с ее помощью все же правильно понял. Посмотрите, пожалуйста.

При попытке подойти к следующей задаче я все время сталкиваюсь с отсутствием определений сти-

хотворной формы (которая же сама становится частью содержания). Могу еще более или менее определить структуру рифм. А посчитать слоги по строкам не удалось. В казахском языке, видимо, имеются дифтонги, которые являются одним слогом. Но в этом мне не разобраться. Приступаю сейчас к стихотворению «Владыка бог, к тебе взываю» (это по Вашему подстрочнику). — Я чуть ли не приступил к переводу стихотворения «Проклятый мир обирает нас» (стр. 191-195), но и там пришлось отступить из-за подсчета слогов.

Ваша идея о немецком «сборной» книжке Абая меня не восхищает. Раз я уже взялся за Абая и Вы меня ободряете, мне представляется немецкое издание, автором-составителем которого является Герольд Бельгер, автором статьи или статей, а возможно и комментариев, тоже Бельгер, консультантом переводчика Бельгер, а переводчиком Лео Кошут. В смысле такого решения в Ваших руках выбор (те двадцать стихотворений, которые имеются в присланной мне Вами книге оригиналов, подстрочников и русских переводов — плюс те переводы, которые я сделал до этой книги). Или Вы что-нибудь бы изменили? Мои добавочные стихотворения, на мой взгляд, (“Der Liebe Sprache”, “Mondlicht”, “All mein Hoffen vertan”) дополняют некоторые штрихи к «очеловечиванию» образа Абая. Но я признаюсь, что я в стихотворения упомянутой книги по-настоящему вдумываюсь, только уже работая над отдельными переводами. Я бы не возражал против добавочного *отдела* в немецкой книге с «конкурирующими» переводами других. Пусть будет возможность для сравнения, как и в книге с оригиналами (подстрочниками) русскими переводами имеется такая возможность. Но основной выбор должен дать — пусть маленький — органичный свод абаевской поэзии. На это, конечно, еще время уйдет, но цель этого стоит. Другое дело предварительные публикации в газетах и журналах. (Их желательно в копиях получить.) Вы не возражаете такому намерению?..

Ваш Лео.

***

Берлин, 27.01.06

Дорогой Герольд!

Спасибо за письмо от 20.01.06 — первое в новом году. Притом еще как часть новой Вашей публикации об Абае, включающей добрые слова в мой адрес. На всякий случай замечаю, что отпечаток моего перевода «Die Zukunft — sie liegt hinter graublauem Dunst...» не включает еще моих поправок на основании Вашей критики (последняя строка: “Nur wer tief blickt — Glauben und Wahrheit erkennt”). Но это, видимо, относится уже к тому, о чем Ваше письмо («Письмо Ваше получил. Все акцептировал».) На всякий случай — не очень доверяя почте — прилагаю еще один отпечаток.

В прошлом письме я сообщил, что взялся за следующее стихотворение. Проблемы с неудовлетворительными подстрочниками очень ограничили возможности выбора. Можно вообще сомневаться, в состоянии ли стихотворение «Патша құдай, сыйындым...» дойти до немецкого читателя из-за этого непонятого и одной метафорой не объяснимого «ТЕЗ» (а если это убрать, как это сделал один русский переводчик, теряется один существенный казахский элемент). Я все же попробовал. Шлю результат (с двумя вариантами в постскрипуме). Буду ждать отзыва.

А что касается возможностей выбора, не могу не жаловаться еще раз на самый существенный элемент книги «Двадцать стихотворений Абая». Книга — в целом заслуживающая большого, принципиального одобрения — конечно, предназначена для потенциального переводчика. Для них — самое важное — подстрочники. А именно они — самый неудовлетворительный элемент книги. Даже если не судить о качестве самих подстрочников (синонимы, комментарии) — без объяснения стихотворных размеров (включая подсчет слогов), формы рифмовки подстрочники равны фотопоррету девушки, где дается только описание души, но образ остается неизвестным. Особенно составители позаботились о каллиграфическом почерке, который

добавочно затрудняет читабельность. Чтобы книга соответствовала идее, следовало бы добавочно издать на трех-четырёх страницах все это упущенное.

А я, конечно, - хотя по матери украинец, а по отцу австриец – как «настоящий немец» стремлюсь составить выбор переводов, который по возможности дал бы характерное представление поэта. Сейчас, видимо, обращусь к предпоследнему стихотворению с Вашим подстрочным переводом: «Эсемпаз болма эр неге». А насколько длинное стихотворение «На смерть Абдрахмана», к которому тоже Вы написали подстрочник с нужными объяснениями, способно дойти до немецкого читателя, я не знаю. Надо будет еще глубже войти в детали стихотворения.

На этом заканчиваю письмо с передачей нового перевода и с сообщением новых планов, зато с жалобами (не лично в Ваш адрес).

Поклон Рае!
Ваш Лео.

А перевод “Von vierzig Flicken umfaßt...” Вы получили?

***

Берлин, 06.02.06

Дорогой Герольд!

Мои сомнения, стоит ли вообще включить стихотворение «Патша кұдай, сыйындым...» в немецкое небольшое собрание стихотворений Абая скорее растут. Я с помощью Зигрид Клейнмихель лучше понял отношения Найманов, Аргынов, Тобыктинцев к Абаю и переделал соответствующие строки. Выяснив, как выглядит тот ТЕЗ, я и соответствующую часть передал (занимая Бога все же не работай на ТЕЗе создавая юрту, а совершая свой творения – людей: Schöpfungs-Biegebock). Все же последние строки заставляют еще думать (чтобы избежать лишних повторений я написал вместо auch ihres Schöpfers – auch ihres Hetten; мо-

жет было и auch ihres Vaters; или auch ihres Herrgotts, но не знаю, как это звучит для казаха). В целом надо было еще по-новому отработать динамику языкового решения. Но — главная проблема, что для немецкого читателя стихотворение останется не понятным без комментария (возможно, что даже современные казахи, не все без комментария в этом стихотворении разберутся).

Прилагаю два экземпляра перевода. Но не буду говорить, если мы этот перевод отбросим. Я это стихотворение выбрал вообще с сомнением, будучи ограничен набором расшифрованных по форме стихотворений.

Вы считаете, что можно сократить число переводов. Но для этого было бы желательно, чтобы Вы сообщили, какие из тех шестнадцати мною еще не переведенных стихотворений из книги «Двадцать стихотворений Абая» следовало бы мне еще перевести, чтобы выбор в целом не оказался случайным.

Мне совестно морочить Вам голову такими вопросами в то время, когда Вы заняты выпуском одной за другой своих книг (не говоря о Вашей продолжающейся публицистики в журналах и газетах). Да простит меня Абай со своих высот.

Ваш Лео

***

Берлин, 19.02.06

Дорогой Герольд!

Спасибо за письмо от 05 февраля. Это письмо начинается поощряющими поговорками, а потом бросает в испуг: «В ближайшие месяцы я этим заняться не могу.» Подстрочники - подстрочниками. Спасибо за присланные, я в них должен еще разобраться. Книга переводов Дудина у меня есть. Но без ориентира насчет выбора я не могу овладеть Абаем литературоведчески мне уже не удастся. Тем более, что и я должен в мои молодые годы еще и другие сложные вещи завершить.

Восемь переводов я пока завершил. Если дальше нацеливаться на двадцать, надо еще двенадцать перевести. В основном я буду придерживаться сборника «20 ст. Абая» – при некотором учете присланных Вами подстрочников. Надеюсь, что в конце концов Вы все же устроите из этого книгу. Если на двух языках (немецком и казахском) и с Вашей статьей «Властитель – Слово», по объему получится. Может быть, еще с некоторыми комментариями. Тем более, если в виду приложения присоединить имеющиеся другие немецкие переводы. А пока я буду Вам посылать готовые переводы.

Сегодня посылаю “Müßiges Posieren meide” – А еще с поправкой “dann dem Schöpfungs-Biegestock /auch ihres Herrgotts entgehn?”) “O Gott, erhöre mich doch”. На таком сотрудничестве, пожалуй, продержимся. Абай Вам зачтет подвигом, что Вы меня воодушевили на это трудное, но и само по себе воодушевляющее дело. (Между прочим: Мне объяснили, будто ТЕЗ похож на устройство для гимнастики “Vock”, а исходя от инструментов (zum Beispiel “Schraubstock”) я сам думал о назначении “...Biegestock”. Пусть так и будет.

Ваши рабочие планы внушительны, и я желаю вам для них железного здоровья. Продолжения романа «Дом скитальца» я буду ждать с большим интересом.

А Ваши подстрочники, конечно, верну. И Ваши письма (нашу переписку) я тоже храню. Если бог даст (но дать возможность должен здесь еще и какой-нибудь журнал, а здесь это трудней) я тоже что-то напишу. Но, кроме того, эта переписка для «вечности» будет храниться в архиве нашей Академии искусств (где часть уже находится). Может быть, вдруг сам Абай с неба направит желание просмотреть эту переписку. Единственное, чего я боюсь: вдруг с него за это, как оно в ФРГ принято, плату потребуют.

Обнимаю Вас, Лео.

***

Берлин, 24.02.06

Дорогой Герольд!

Моему письму от 19 февраля вслед я шлю еще эти пару строчек. Насчет издания переводов Дудина я ошибся. Мне так казалось, потому что встречаются ряд переводов в книге Абай, Стихи Поэмы Проза, Алматы, Мектеп 2002, которую я приобрел в прошлое свое пребывание в Алматы.

А еще хотел бы добавить: Я кое-что из книги «20 стихотворений Абая» еще переведу. Но до двадцати своих переводов на этом основании не дойду. А то получается, как мне кажется, перевес дидактических стихотворений, которые очень хороши, но для успеха у немецкого читателя слишком компактно их лучше не дать.

Я не знаю, найду ли я где-то книгу Дудина. В здешней Гос.-Библиотеке я сделал ксерокопию из книги Избранного с предисловием Мухтара Ауэзова. Там я наметил себе некоторые стихотворения, например: «Не просто это — звук часов: «тик-так»» в переводе Нейман, «Природа смертна, вечен человек» в переводе Озерова и еще кое-что. Наверно, прибавлю что-то оттуда. Просмотрю в этом отношении еще раз и подстрочники, которые Вы мне прислали.

До новых поэтических посылков.

Лео.

***

Алматы, 21 апреля 2006г.

Дорогой Лео!

Позавчера на рассвете закончил роман под названием «Разлад». Семь месяцев безустанно корпел над ним. Аллах весть, что из этого получилось. Намерен для начала «прогнать» половину по разным журналам. А там видно будет.

В одном издании готовят мои «Плетения чепухи», в другом — мой каз. сборник «Мұнар тау».

А я с благословения знакомого Вам Роллана Сейсенбаева (кстати, ему ныне исполняется 60 лет) компонуемую крохотную книжку «Властелин – Слово» (листов 6), куда войдут мои статьи и заметки по вопросам перевода поэзии Абая на русский и немецкий языки. Некоторые – ключевые – работы Вам известны.

В конце книжки я намерен (с Вашего согласия) дать фрагмент из нашей переписки, проливающей свет на Ваши старания и усилия по воспроизведению Абая по-немецки. Это, полагаю, будет уместно и поучительно. Надеюсь, книжка увидит свет под эгидой Международного клуба Абая еще в этом году.

Разумеется, в голове сидит и наш гипотетический сборничек Абая на немецком языке. До сих пор Вы «онемечили» десять стихотворений Абая. Еще десяток сработаете. А дальше будем думать. Возможно, дадим тексты на трех языках. Добавим в качестве пре- и послесловия две мои статьи. Дадим «Приложение» – 7-8 стихотворений в переводах других. Вот и получится книжка. Детали прояснятся при составлении. Главное: воздать должное Абаю. Если мы с Вами сработаем такую книжку, Дух Абая будет доволен. А спонсорскую помощь в издании, надеюсь, окажет государственная программа «Культурное наследие». Или возникнут другие проекты.

Для расширения Вашего «абаевского» горизонта высылаю книгу «Абай. 37 стихотворений», составленную тем же Маратом Адибаевым по аналогии с предыдущей «20 стихотворений Абая» (с учетом некоторых Ваших замечаний относительно шрифта). Обратите внимание на стихи «Весна», «Лето», «Осень», «Зима». Может, вдохновит?

Пока все.

Братски обнимаю Герольд.

***

Берлин, 30.04.06

Дорогой Герольд!

...Высылаю Вам в двух экземплярах тринадцатый перевод: «Сұм дүние тонап жатыр, ісін бар ма?» По сжатости — содержательности кратких строк — стихотворение не отстает от других. Некоторая неуверенность беспокоит меня насчет второй строфы: Правильно ли я понимаю подстрочник «Нет места отчаянию на короткий срок»? (“Doch die Verzweiflung währt unendliche Zeit” — но “unendliche Zeit” все же метафора). Сложнее обстоит дело с двумя последними строками стихотворения. «Язык без костей» — хотя бы по-немецки — очень костяливый образ. А как быть с утесом? Может быть, в казахском языке это является элементом поговорки, которая для читателя раскрывает смысл. Русские переводчики обошли этот утес, частично вообще свободно заменяя Абаевский текст. Я на такую свободу не решился, хотелось оставаться верным Абаю. Но при буквальном сохранении авторского образа (“Die Lippen dehnbar, die Zunge — rippenlos, / sie verstellen den Blick keiner Wahrheit Fels” — по крайней мере уже попыткой, внести в строку интерпретацию, — это по-немецки не звучит и не вяжется с целой строфой. Я это так и проверял на Шарлотте и на других. В конце концов, я решился на некоторый пересказ при сохранении содержания. И — учитывая отступления самого Абая от одиннадцатисложника — в пользу языковой мелодии всего стихотворения тоже разрешил себе маленькие отклонения. Тем более буду с интересом ждать, как Вы оцените результат...

Обнимаю Вас, Лео

***

Алматы 15.05.06

Дорогой Лео!

...Насторожил меня в Вашем письме чертов «Утес». Откуда он взялся в этом стихотворении Абая? Его ведь там сроду не было! А Вы так старались, подгоняя всю строфу к неведомому “Fels’y”.

Почувствовав неладное, обратился к Абаю. Так оно и есть! Напутал подстрочник С. Тлеубаев, сбил с толку, перепутав «шын» (вершина, пик) с «шын» (правда, истина). И вообще подстрочник тят-ляп.

Вот что говорит Абай в моем подстрочном переводе:

- 1) Подлая (bzw. коварная, лихая) жизнь обирает (обкрадывает), как тут быть? (was ist zu machen?) — А
  - 2) Есть ли прежние силы, былой вид? — А
  - 3) Впереди — надежды, позади — сожаление, обманчива жизнь, — Б
  - 4) Есть ли кто, чьи порывы не втоптала она в землю? — А
-
- 1) Есть ли сладость, не теряющая вкуса и не портящаяся? — В
  - 2) Нет места (что проку) отчаянию на пяток дней. — В
  - 3) Какой соблазн пустой жизни может стоять — Г
  - 4) Раздора близких и отчуждения родных? — В
-
- 1) Не произноси слов, слетающих с дряблых губ, — Д
  - 2) Гони прочь вожделения капризы. — Д
  - 3) Разве есть у языка кости, у губ — грани — Е
  - 4) Из-за их завесы не узришь лик истины. — Д

Вот о чем речь ведет Абай.

Из русских переводов наиболее близок А.Кодар.

Он перевел с оригинала.

Вообще чует мое сердце: в шикарно изданных «20 ст. Абая» и «Абай. 37 ст.» слабое место — подстрочни-

ки. Поэтому в выигрыше чаще всего те, кто переводил, минуя их.

Придется, дорогой Лео, внести в Ваш перевод кое-какие коррективы и решительно выкинуть «утес».

Суть третьей строфы — «из-за лживого слова не разглядишь лик истины».

Трудно, тяжело Вы продвигаетесь, иногда на ощупь, в потемках, но уже в состоянии чувствовать фальшивые нотки подстрочника. А это говорит о том, что Вы постигаете Абая. И это радует.

«Вперед, Санчо!» - призывал Дон Кихот.

Обнимаю Герольд

P.S.

«Между прочим, это будет сороковая по счету моя книжка», — обронил я невзначай, когда мой давний младший друг Роллан Сейсенбаев, выдающийся прозаик, драматург, эссеист, переводчик, издатель, Президент Международного клуба Абая, любезно вызвался проводить меня после делового разговора в его офисе на восьмом этаже.

«Да-а?... В таком случае необходимо, пожалуй, короткое послесловие», — заметил он.

«Зачем?»

«Ну книжка выходит в свет. Сороковая. Вы, как бы, прощаетесь с ней...»

Я задумался.

Короткое и звучное имя Абай вспыхнуло в моем, этническом немце с Поволжья, депортированном в Казахстан, — сознании впервые в 1944 году. И вот уже 63 года оно просветляюще, одухотворяюще сопровождает меня и в жизни, и в творчестве. В разные годы я написал об Абае четыре книжки и составил шесть сборников. Еще делал подстрочные переводы, написал два десятка статей. В той или иной степени Абай, можно сказать, присутствует во всех моих писаниях. Для меня, воспитанника казахской аульной школы, это естественно, органично.

Очень хочу, чтобы Абай зазвучал и по-немецки.

Какие-то конкретные шаги намечаются и в этом направлении.

А появлению этой книжки я всецело обязан щедродушию Роллана Сейсенбаева, которому выражаю искреннюю благодарность.

Герольд Бельгер

15.05.07.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Чутким сердцем поэта (Вместо предисловия).....	6
2. У гения нет выбора	9
3. Властитель – Слово.....	19
4. Постигание сути	37
5. Как академик Митрофан Сильченко переводил Абая	50
6. Дайджест Абая из «Евгения Онегина».....	55
7. Две строфы Абая	58
8. «Книга слов» Абая и ее переводчики.....	76
9. На пути к немецкому Абаю.....	83
10. Абай в германском журнале	104
11. Еще одно стихотворение Абая на немецком языке.....	106
12. Из переписки с Лео Кошутом	110
13. P.S.....	126

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 10
ПРОЗА

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР
ВЛАСТИТЕЛЬ - СЛОВО

*Статьи и заметки о переводах
стихотворений Абая на русский
и немецкий языки*

Редактор: Клара Серикбаева
Художественный редактор: Назар Роллан
Дизайн: Газиз Бегалиев
Верстка: Батима Малаева

Международный клуб Абая
050010, Алматы, ул. Жамбыла, 25, оф.807
E-mail: amanat70@list.ru

ISBN 9965-611-77-7

Подписано в печать
Формат издания 84x96 1/32. Уч.-изд. л. 8.
Офсетная печать. Гарнитура "DS Times". Тираж 1000 экз.
Заказ 1234 Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов Международного клуба Абая
в типографии "Бизнес Пресс".

4507

ОСНОВНЫЕ КНИГИ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

**«Сосновый дом на краю аула»
(1973)**

«Брат среди братьев» (1981)

**«Созвучие. Gleichklang.
Үндестік» (1982)**

«Каменный брод» (1987)

«Гёте и Абай» (1989)

«Завтра будет солнце» (1992)

«Земные избранники» (1995)

«Помни имя своё» (1999)

**«Russlanddeutsche Schriftsteller
von den Anfängen bis zur
Gegenwart» (Berlin, edition
Ost, 1999)**

**«Этюды о переводах Ильяса
Джансугурова» (2001)**

«Казахское слово» (2001)

«Дом скитальца» (2003)

«Гармония духа» (2003)

«Туюк су» (2004)

«Земля моей чести» (2004)

«Дождь со снегом» (2005)

«Ода переводу» (2005)

**«В поисках своего ритма»
(2006)**

«Мунар тау» (2006)

«Постфактум» (2007)

